

«Меценат изумительный!»: Издательская деятельность М.Н. Павловского

Аннотация: В статье воссоздана история издательства «Русские записки» (Шанхай; Париж, 1937–1939). Представлены обстоятельства выхода в свет его изданий (8 книг и 21 номер журнала «Русские записки»). Изложены основные вехи биографии М.Н. Павловского, а также особенности его издательской деятельности. В приложении опубликована переписка М.Н. Павловского с В.В. Рудневым и М.А. Алдановым.

Annotation: The paper outlines a history of the publishing house “Russkie zapiski” (“Russian annals”) (Shanghai; Paris, 1937–1939). It delineates the circumstances of the publication of all editions generated by the publisher (8 books and 21 issues of the review “Russkie zapiski”). It gives a recapitulation of the biography of M.N. Pavlovsky and a characteristic of his activities as a publisher. An appendix contains M.N. Pavlovsky’s correspondence with V.V. Rudnev and M.A. Aldanov.

Ключевые слова: русская эмиграция первой волны, издательское дело, издательства русской эмиграции, М.Н. Павловский, М.А. Алданов, И.А. Бунин, В.В. Набоков.

Key words: Russian emigration of the first wave, publishing, Russian émigré publishing houses, M.N. Pavlovsky, M.A. Aldanov, I.A. Bunin, V.V. Nabokov.

Издательская деятельность Михаила Наумовича Павловского относится к 1937–1939 годам. За эти три года он успел выпустить лишь восемь книг (плюс два десятка номеров толстого журнала «Русские записки»). Достаточно, однако, перечислить имена авторов этих книг – Марк Алданов, Борис Зайцев, Владимир Набоков, Тэффи – чтобы стало понятно, что по замыслу и по перспективам это было отнюдь не заурядное или маргинальное издательское предприятие.

Между тем, имя Павловского мало что говорит даже специалистам по культуре русского зарубежья. Его нет почти во всех справочниках¹. Справка о нем размером в семь строк, да и то с неточностями, помещена лишь в известном трехтомнике «Российское зарубежье во Франции». Павловский попал туда на основании того, что он якобы «в 1930-е переехал во Францию», что не соответствует действительности. Дата рождения отсутствует, указан лишь год смерти; о жизни и деятельности сообщается предельно кратко: «Издатель, предприниматель. В эмиграции с 1919, жил в Шанхае»².

Гораздо больше сведений можно найти в «Википедии», где статья о Павловском была размещена в феврале 2013 года³. Данная статья – впрочем, тоже несвободная от неточностей

– опирается, в частности, на архивные документы, опубликованные в 2010 году в новосибирском сборнике материалов об Уфимской директории (сибирском Временном Всероссийском правительстве)⁴. Некоторые биографические сведения о Павловском содержат мемуарные книги М.В. Вишняка «“Современные записки”. Воспоминания редактора» (где имя Павловского, впрочем, не упоминается)⁵, и, в еще большей степени, «Годы эмиграции», где Вишняк пытается дать «общую характеристику этого крупного человека и общественного деятеля, исключительной, совершенно несвойственной такого рода людям, скромности»⁶. Кое-какие новые материалы о Павловском имеются также в опубликованном недавно четырехтомном издании редакционной переписки журнала «Современные записки»⁷.

Изложим основные даты жизни Павловского, опираясь на указанные источники, а также на неопубликованные архивные материалы, в частности, на переписку Павловского с Марком Вишняком, с Вадимом Рудневым и с Марком Алдановым.

М.Н. Павловский родился 3 октября 1889 г. в Могилеве⁸ в еврейской семье; его отец Наум Давидович был врачом, точнее фельдшером с собственной врачебной практикой. В 1907 г. Павловский прибыл в Санкт-Петербург; вероятно, тогда и вступил в партию эсеров; Вишняк сообщает, что «он с юных лет выделялся как умелый организатор... на нелегальной работе в партии социалистов-революционеров»⁹. За подпольную политическую деятельность он был в 1910 г. сослан в Сибирь¹⁰, откуда в 1912 г. бежал за границу. В 1912–1914 гг. жил в бельгийском городе Льеж, где получил высшее инженерное образование, затем работал в 1914–1917 гг. по специальности в Париже; здесь он познакомился, в частности, с Н.Д. Авксентьевым, в будущем одним из редакторов «Современных записок».

Павловский возвратился в Россию весной 1917 года. Об обстоятельствах его приезда рассказано в воспоминаниях Вишняка: «Из первой эмиграции он вернулся после Февральской революции в качестве переводчика при французском министре труда Альбере Тома, командированном правительством Клемансо подтолкнуть Временное Правительство к более энергичным военным действиям»¹¹.

После Октябрьского переворота Павловский активно участвовал в антибольшевистском движении партии социалистов-революционеров в рамках Народной армии КОМУЧа (Комитета членов Учредительного собрания). Летом 1918 г. он находился в городе Сызрань на правом берегу Волги, который в это время был западным фронтовым городом территории под контролем КОМУЧа. Отголосок событий того лета находим в письме Павловского к редактору «Современных записок» В.В. Рудневу из Шанхая от 4 июля 1938 г.: «Недавно ездил в Гонконг, оттуда летел в Ханькау – ставку Чжанкайшека, где пробыл 12 дней (вероятно, ко времени прихода этого письма Ханькау будет накануне

падения). Для застоявшейся в эмигр[антском] безделии крови – путешествие это было весьма полезным “exercise”. Двадцать лет тому назад мы сдавали Сызрань, и с Лебедевым, Фортунатовым и др. садились на пароход... Mutatis mutandis много похожего я нашел в Ханькау»¹².

Осенью 1918 г. Павловский оказался в Сибири: в Уфе, затем в Омске; при Временном Всероссийском правительстве (Уфимской директории) он служил специалистом по снабжению антибольшевистской Народной армии. Напомним попутно, что председателем Директории был не кто иной, как его знакомый по парижской эмиграции 1910-х гг. Николай Авксентьев. В качестве снабженца Павловский, в частности, выступал с докладом на заседании Временного Всероссийского правительства 29 сентября 1918 г. в Уфе¹³.

Конфликт между политическим и военным начальством Директории кончился, как известно, победой военных-колчаковцев. Авксентьев и другие эсеры-члены Директории были арестованы в ночь с 17 на 18 ноября 1918 г. и высланы в Китай. Десять дней спустя, 28 ноября, Павловский отбыл из Омска на восток в поезде генерала В.Г. Болдырева, главнокомандующего войсками Директории, который подал в отставку после колчаковского переворота. Однако по приказу адмирала А.В. Колчака, отданному еще в конце ноября, Павловский был арестован и задержан до 6 марта 1919 г. После освобождения выехал во Владивосток; там он входил в редколлегию демократической газеты «Вечер»¹⁴. После ликвидации Дальневосточной Республики в ноябре 1922 г. Павловский эмигрировал 15 июля 1923 г. в Китай; он жил в 1923–1925 гг. в Харбине, в 1925–1930 гг. в Тяньцзине; в 1930 г. обосновался в Шанхае¹⁵.

О своей профессиональной деятельности в Китае Павловский информировал Вишняка в письме от 10 октября 1941 г., содержащем анкетные данные для получения американской визы: «с 1923 г. – Managing Director of “Société Française des Telephones Interurbains”, Harbin, Tientsin, Shanghai, а с 1926 г. сверх того Director and General Manager for China of “Material Technique”, Paris»¹⁶. Вишняк сообщает о китайском периоде жизни Павловского: «Вынужденный отойти от политической деятельности, он не утратил интереса к политике, но стал заниматься по преимуществу общественными и филантропическими делами и приобрел чрезвычайную популярность среди “русских китайцев” в связи, в частности, с сооружением памятника Пушкину в 1937 году. Одновременно он развил огромную жизнедеятельность в торгово-промышленной области, как представитель французского машиностроения и поставщик китайскому правительству железнодорожного оборудования, состава и прочего»¹⁷.

Успешная предпринимательская деятельность и материальное благосостояние позволили Павловскому применять свои незаурядные организаторские способности также в области культуры.

Осенью 1936 г. Павловский возобновил связь с пребывающими в Париже и в Праге товарищами по партии эсеров, предлагая им, в частности, финансовую поддержку¹⁸. Как сообщает Вишняк, связь наладилась через Авксентьева¹⁹: «В конце 36-го года Авксентьев получил неожиданно письмо из Шанхая от старого приятеля эсера, которого знал еще по первой эмиграции в Париже. Письмо выражало “Современным запискам” полное сочувствие от группы шанхайцев и попутно высказывало пожелание, чтобы журнал стал менее отвлеченным, более актуальным и больше внимания уделял, в частности, Дальнему Востоку и его проблемам. Для осуществления этой задачи автор письма выражал готовность помочь и средствами.

В реакции друзей-читателей на чрезмерную отвлеченность “Современных записок”, которые могут стать журналом для немногих, нам послышался “голос из народа”. И, обсудив всесторонне предложение, мы решили его принять в том смысле, что рядом с “Современными записками” станем издавать другой журнал, более доступный по форме и удовлетворяющий указанным целям. Сдержаннее и скептически других отнесся к предложению Руднев: он опасался, как бы новый журнал не отбил у “Современных записок” читателей и сотрудников. Всё же и Руднев не считал возможным по морально-культурным соображениям отвергнуть предложение. После обмена письмами Авксентьева с Шанхаем в половине 37 года, на 17-м году существования “Современных записок”, возник в том же Париже под редакцией тех же лиц, которые значились на титульном листе “Современных записок”, новый журнал – “Русские записки”. Только в отличие от “Современных записок” на “Русских записках” значилось: “Париж-Шанхай”»²⁰.

Первый номер «Русских записок»²¹ вышел в августе 1937 г. (под предисловием «От редакции» указана дата «Июнь 1937»). Второй номер появился в декабре 1937 г., третий – в марте 1938 г.²² Первые три номера «Русских записок», вышедшие, как значилось на титульных листах, «при ближайшем участии Н.Д. Авксентьева, И.И. Бунакова, М.В. Вишняка, В.В. Руднева», во многом походили на «Современные записки». Это отметил к своему неудовольствию и спонсор издания Павловский: «К тому времени приехал в Париж инициатор-издатель “Русских записок”, отказавшийся поставить свое имя, но отнюдь не отказавшийся от суровой критики того, что получилось. Не без основания нашел он, что “Русские записки” во многих отношениях дублируют “Современные записки” – стали как бы “Современными записками” второго порядка или журналом “для бедных”, для читателей

меньшей образованности и культуры. Этим не оправдывалось, по его мнению, издание второго журнала»²³.

Павловский приехал в Париж, вероятно, в августе 1937 г., как явствует из письма Руднева к Вишняку от 21 августа 1937 г.: «О “настроениях и планах Павловского” я тебе, Марк, ничего не могу сообщить, ибо сам ничего не знаю. Звонил Илюше [Фондаминскому], а через несколько дней Володе [Зензинову], спрашивал о П[авловском] (он уже в Париже), – ответ был, на мой вкус, не достаточно определенным: П[авловский] настроен “оптимистически”, они с Илюшей [Фондаминским] ведут переговоры о *расширении* издательских планов... Я уже ставлю вопрос, неуютный, у нас: *откуда же* столько денег? Ответ И. [Фондаминского], что это П[авловский] “из своего жалования” тратит, – для меня недостаточен. В первом письме-предложении П[авловского] финансовая *основа* журнала указывалась – китайские торговые объявления. С началом военных действий в Шанх[ае], естественно, писали в газетах, *tout commerce et industrie sont paralysés* [вся торговля и промышленность парализованы (фр.)]. А теперь, когда шанхайский Бродвей сплошь горит на 1½ километра, уничтожены фабрики и пр.? – Я собираюсь в четверг еще приехать в Париж по типографским делам, – зайду к Илюше [Фондаминскому] и поговорю с ним. Тогда напишу»²⁴.

В конце 1937 г. Павловский, недовольный обликом первых номеров, созданных «при ближайшем участии» всех четырех редакторов «Современных записок», решил изменить состав редакции и пригласить П.Н. Милюкова. Вишняк так рассказывает об этом в своих воспоминаниях: «Навестив предварительно П.Н. Милюкова, наш приятель предложил Авксентьеву, Фондаминскому и мне сделать попытку рядом с “Современными записками” создать периодически выходящий и более актуальный журнал на расширенной редакционной базе: включить в редакцию Милюкова, который тогда в некоторых отношениях был даже “левее” нас. Все вместе отправились мы к Милюкову, который без долгих споров согласился войти в коалиционную редакцию. Но когда дело дошло до конкретного оформления согласия, Милюков дал понять, что позиция Бунакова-Фондаминского ему во многом чужда и он предлагает составить двучленную редакцию – из него и меня.

Я искренне поблагодарил за лестное предложение, но решительно его отклонил: слишком очевидно было фальшивое положение, в котором я очутился бы как соредактор Милюкова, – фактически при Милюкове. Я предложил вместо этого стать секретарем журнала при Милюкове, единоличном редакторе. Так создавался ежемесячник, унаследовавший прежнее название – “Русские записки” – и выходивший регулярно в конце каждого месяца с марта 1938-го по сентябрь 1939-го, т.е. до самой мировой войны»²⁵.

В следующей книге воспоминаний Вишняк уточняет свой рассказ о ходе событий, приводя в тексте отрывки из письма Павловского к нему от 9 августа 1957 г.: «Натолкнувшись на разногласия среди редакторов “Современных записок”, Павловский решил привлечь к редактированию журнала Милюкова. Он стал все чаще с ним встречаться, и – “по мере учащения встреч (а я в это время встречался с ним почти ежедневно), я определенно ‘влюбился’ в этого человека и про себя решил, что журнал будет во всяком случае с Милюковым, в крайнем случае с ним одним”. Когда Милюков отклонил кандидатуру Фондаминского как соредатора, возникла идея составить редакцию из Милюкова и Авксентьева при секретаре Фондаминском, “обладающем совершенно исключительными способностями по умению ладить с сотрудниками, писателями и философами”, как справедливо заверял Авксентьев. И Павловский стал “сторонником” такой комбинации и, как мог, отстаивал ее в разговорах с Милюковым. Но и на эту комбинацию Милюков не пошел. Авксентьева он отвел по соображениям “делового характера: не пишущий человек, без опыта в ведении журнала”. Милюков “выставил Вашу кандидатуру, но я еще с Вами на эту тему не говорил и не знал, получу ли Ваше согласие”, – добавил в скобках Павловский»²⁶.

В стэнфордском архиве Вишняка сохранилась его переписка с Павловским за 1937–1963 гг. объемом в несколько сот писем²⁷; письма за 1937–1939 гг. посвящены, в основном, делам журнала (в меньшей степени также книгоиздательства) «Русские записки». Данные материалы, равно как сохранившаяся в архиве Вишняка переписка с П.Н. Милюковым за 1938–1941 гг.²⁸, позволяют до подробностей реконструировать историю этого журнала. Подобная реконструкция не входит в задачу настоящей статьи, посвященной, в первую очередь, истории издательства, а не журнала, «Русские записки». Относительно журнала сосредоточимся поэтому лишь на новых фактах о ключевых моментах его истории.

Одним из таких ключевых моментов является решение Павловского, изменить состав редакции и профиль журнала, принятое еще в конце 1937 г. В письме к Вишняку от 26 декабря 1937 г. Павловский сообщал: «Дорогой Марк Вениаминович, в дополнение к письму моему, адресованному Ил[ье] Ис[идорови]чу [Фондаминскому], но относящемуся ко всем вам, я хочу зафиксировать следующее:

- 1) я не вижу другого выхода, как участие П.Н. Милюкова в редакции журнала;
- 2) будет ли это участие единоличным, либо урезанным “паритетной” конституцией, – будет зависеть от вашей группы;
- 3) принять на себя обязанности секретаря Вам придется и в том и другом случае»²⁹.

Вишняк ответил 28 декабря 1937 г.: «Дорогой Михаил Наумович! Получил Ваше письмо от 26-го с “пунктами”, Вами фиксированными. Не стану спорить о первом – такова

Ваша оценка создавшегося положения. Но второй “пункт” мне представляется фактически неверным. Неужели, в самом деле, “от нашей (вашей) группы” *зависит*, будет ли участие П.Н. М[илюкова] единоличным или “урезанным паритетной конституцией”?! На *реальный* паритет мы все шли с полной готовностью, а на фиктивный “паритет” охоты нет итти и у меня.

За предложение, сделанное в пункте третьем, – могу Вам быть только весьма и весьма признательным»³⁰.

31 декабря 1938 г. Павловским были составлены три письма-соглашения с ближайшими сотрудниками журнала: Вишняк принимал на себя обязанности секретаря редакции, Милюков – редактора журнала (с вознаграждением в размере 1.500 франков в месяц каждый); третье соглашение было заключено с Ильей Николаевичем Коварским, принявшим на себя обязанности управляющего конторой журнала (за что ему полагалось вознаграждение в размере 1.000 франков в месяц). В договоре с Вишняком имеется также графа, посвященная книгоиздательству: «Помимо функций секретаря редакции Вы берете на себя обязанности доверенного Издательства “Русские записки”, согласно доверенности, выданной мною Вам 26 января 1938 г. В качестве доверенного Вы являетесь распорядителем всех финансовых средств Издательства, в расходовании и получении которых Вы являетесь подотчетным Издательству в моем лице. Все суммы, превышающие 1.000 франков, должны храниться Вами на текущих счетах Издательства в парижских банках и в почтовом отделении. Все поступления должны быть вносимы на указанные текущие счета и все суммы, потребные для журнала, должны сниматься с указанных текущих счетов... В качестве дополнительного вознаграждения по должности доверенного Издательства Вы получаете 500 франков в месяц, начиная с 1-го февраля 1938 г.»³¹.

В архиве Вишняка сохранилась фотография с надписью его рукой: «Paris, 1938. “Russian zapiski”. Pavlovsky – publisher, Miliukov (editor), V. Vishniak (secretary). Париж, Люксембургский сад, 1938 г. – М.Н. Павловский, П.Н. Милюков, М.В. Вишняк. Издатель, редактор, секретарь “Русских записок”»³². Фотография относится к первой половине февраля 1938 г. Павловский писал Вишняку в письме от 17 ноября 1941 г.: «Мы виделись с Вами в последний раз не в 1937, а в 1938 году (февраль)»³³; затем Павловский вернулся в Шанхай. Из Франции уехал он не ранее 18 февраля: Вишняк сообщал Павловскому 16 апреля 1938 г.: «Послезавтра – два месяца, что мы расстались»³⁴.

Павловский вернулся в Китай во второй половине марта 1938 г., путешествуя морем (24 февраля он отправил Вишняку письмо из Порт-Саида, 13 марта – из Сингапура). Вскоре после возвращения в Шанхай он сообщал Вишняку в письме от 2 апреля 1938 г.: «К печатанию книг мы уже приступили: если увидите Ив[ана] Ал[ексеевича] Бунина], передайте

ему, что книжку Гал[ины] Ник[олаевны Кузнецовой] вышлем через несколько дней»³⁵. Никакой авторской книги Кузнецовой в 1938 г. не выходило; речь идет, по всей видимости, о романе Ф. Мориака «Волчица» («Genitrix») в переводе Г.Н. Кузнецовой, с предисловием И.А. Бунина³⁶. Итак, первой книгой, выпущенной под издательской маркой «Русские записки» в апреле 1938 г., был французский переводный роман.

В конце апреля – начале мая 1938 г. была отпечатана вторая книга – роман Марка Алданова «Бельведерский торс»³⁷. Павловский сообщал Вишняку 3 мая 1938 г.: «Ближайшим [пароходом] “Mess[ageries] Maritimes” пошлем Вам “Бельведерский торс” Алданова. Сириин набирается. Следующими пойдут Тэффи и “Начало конца” (надеюсь, Вы уже отправили рукопись, полученную от Алданова)»³⁸.

Очередной книгой издательства был сборник рассказов В. Набокова-Сирина «Соглядатай»³⁹. Книга была опубликована в начале июня 1938 г., как явствует из сохранившихся писем. Павловский писал Набокову 3 мая 1938 г.: «Дорогой Владимир Владимирович, мы приступили к печатанию Вашей книги рассказов и обнаружили, что, если в нее включить все данные Вами рассказы (21), то получится не менее 350 стр[аниц] – формата изданий “Петрополис”... Так как увеличить пропорционально цену нет практической возможности, мы надумали следующую комбинацию. В одну книгу (под заголовком “Соглядатай”) мы дадим 13 рассказов: Соглядатай, Обида, Лебеда, Terra Incognita, Встреча, Хват, Занятой человек, Музыка, Совершенство, Пильграм, Случай из жизни, Красавица и Оповещение. Это составит книжку в 230–240 страниц. Остальное мы хотели бы издать второй книгой, в которой к 8-ми рассказам (Круг, Королек, Адмиралтейская игла, Тяжелый дым, Памяти Шигаева, Набор, Весна в Фиальте и Озеро, облако, башня) мы добавили бы пьесу “Событие”, что дало бы книжку тоже в 240–250 стр[аниц]. Заглавием хотелось бы дать “Весна в Фиальте”, и дать этот рассказ первым (пьеса – в конце). Сделать это мы можем, конечно, при условии Вашего на то согласия. Поэтому – просьба *немедленно по получении этого письма* сообщить М.В. Вишняку, чтобы он протелеграфировал нам Ваш ответ: “согласен” либо “нет”. – В случае Вашего согласия, вторую книгу “Весна в Фиальте” мы выпустим осенью, и, разумеется, по ней у нас с Вами будут такие же расчеты, как и по первой. Аванс (такой же, как и по первой книге) вышлем Вам по получении Вашего согласия. Не уверен, что Вы все еще в Ментоне, поэтому шлю это письмо через М.В. Вишняка»⁴⁰.

Набоков согласился на предложение издателя. Месяц спустя, в начале июня 1938 г. Павловский в ответ писал Набокову: «Дорогой Владимир Владимирович, Ваше телеграфное согласие на мое письмо от 3-го мая получил, и “Соглядатай” выпущен в том виде, как было условлено. Этой почтой мы выслали Вам бандеролью 2 книжки (через парижскую контору

“Русских записок”). Остальные книжки отправляются пароходом “Арамис”, приходящим в Марсель около 5-го июля, и Вы получите из конторы “Русских записок” дополнительные 28 книжек авторских. Не знаю, как понравится Вам издание. Здесь мы сделали все, что по местным условиям возможно. Если найдете недочеты, укажите: будем иметь в виду при выпуске “Весны в Фиальте”. К этому письму, которое пересылаю через Париж, прилагаю чек на имя Вишняка, который Вам переведет 1500 франков в качестве аванса за “Весну в Фиальте”. Более точный расчет можно будет произвести в зависимости от цены, по которой можно будет установить на книгу ко времени ее выпуска. Получение аванса не откажите подтвердить. Цетлины мне писали, что видели Вас в Ментоне, и что у Вас все благополучно. Закончен ли “Дар”»?⁴¹

Намеченная к публикации в издательстве «Русские записки» вторая книга Набокова так и не появилась, хотя книга указывалась в анонсах среди «готовящихся к печати».

Набоков подтвердил получение первых экземпляров «Соглядатая» в письме к М.Н. Павловскому от 29 июня 1938 г.: «Дорогой Михаил Николаевич <sic!>, получил 2 экземпляра “Соглядатая” и аванс за “Весну в Фиальте” (полторы тысячи франков). Благодарю Вас. Мне чрезвычайно понравилась внешность “Соглядатая” – и у Вас гениальный корректор! Хочу Вам дать списочек опечаток в “Событии” в “Русских записках”. Их следует исправить»⁴².

Что касается внешности книги, то Набоков, надо полагать, тут немного лукавит. Он, конечно, едва ли стал бы жаловаться – дареному коню в зубы не смотрят. В условиях эмиграции издательство, которое не только не брало с автора денег за печатание книг, но еще и платило авансы и гонорары, это было явление совершенно исключительное. Надо, однако, сказать, что издания Павловского не принадлежали к шедеврам типографского искусства. Напечатанные на дешевой серенькой бумаге, с мягким переплетом, без особого внимания к графической стороне, издания Павловского были скорее невзрачными. Таково было, кстати, и мнение Марка Алданова. Он писал по этому поводу Вишняку 24 июля 1938 г.: «Получил очень милое письмо от Павловского, но книги наши (Сирина и мою) он погубил»⁴³.

Следующим изданием Павловского был сборник рассказов Тэффи «О нежности»⁴⁴. Книга вышла из печати в начале июля 1938 г., как явствует из сохранившегося в архиве Тэффи письма Павловского от 7 июля 1938 г., в котором он сообщает, что выслал ей два экземпляра «только что выпущенной “О нежности”»⁴⁵.

Отвечая на письмо Павловского от 3 мая 1938 г. Вишняк сообщал ему 27 мая 1938 г. о делах издательства: «С Сириным я снесся. Вы, конечно, получили мою телеграмму, посланную на следующий же день по получении авиона?! Сирин – согласен, разумеется. –

Побывал у Алданова. Он рукописи своей не сдал еще. Говорит, что отписал Вам. Его несколько огорчает, что две его книги появятся одновременно. Он считает это фактом неблагоприятным для успешности распространения. Как только он сдаст манускрипт, я его Вам вышлю»⁴⁶.

Речь идет о романе «Начало конца». Алданов, очевидно, задержал сдачу рукописи романа, чтобы «Бельведерский торс» и новая книга не появились почти одновременно. И действительно, вторая книга Алданова в издательстве «Русские записки» появилась лишь в начале декабря 1938 г. (причем с указанием на год издания «1939»).

Дата выхода из печати первой части «Начала конца»⁴⁷ явствует из переписки Павловского с В.В. Рудневым по поводу еще одного издательского начинания. Речь идет об указателе содержания к журналу «Современные записки», вышедшем без выходных данных в Шанхае в начале декабря 1938 г.⁴⁸ В архиве Руднева сохранилась переписка с Павловским по поводу «Указателя»⁴⁹. Павловский писал Рудневу из Шанхая 12 апреля 1938 г.: «мы приступили здесь к составлению указателя к вышедшим 65 книжкам “Совр[еменных] зап[исок]”»⁵⁰. В письме от 4 июля 1938 г. Павловский сообщал Рудневу: «“Указатель” уже закончен составлением, [...] Если хотите, можно его пометить Вашим изданием (города мы не указываем) и дать соотв[етственную] обложку. Напишите – мне совершенно безразлично, какое пометить изд[ательств]о»⁵¹. Руднев ответил 22 августа 1938 г.: «Относительно указателя: подарку не ставят условий. Если пришлете 200 экз[умпляров], буду благодарен. Озаглавьте как издание “Совр[еменных] зап[исок]”, – еще лучше»⁵².

Книга вышла в начале декабря 1938 г. Павловский сообщил Рудневу в письме от 12 декабря 1938 г.: «Дорогой Вадим Викторович, выслал Вам бандеролью через Сибирь 250 экз[емпляров] “Указателя”. Получилось менее хорошо, чем рассчитывали. Наша обычная типография была занята “Началом конца” [М.А. Алданова. – М.Ш.] (вышедшим одновременно), а новая тип[ограф]ия надула нас на бумаге, дав не то, что было обусловлено. Сообщите, пожалуйста, если найдете ошибки»⁵³. Посылки прибыли в Париж около 5 января 1939 г.; сохранился черновой автограф ответного письма Руднева Павловскому от 8 января 1939 г.: «Три дня тому назад я получил с таможни посланные Вами 18 пакетов с “Указателем”, а вчера, через М.В. Вишняка, и письмо Ваше. “Указатель” производит отличное впечатление»⁵⁴.

Кроме упомянутых выше, в издательстве «Русские записки» вышли еще две книги. Очередным изданием Павловского был сборник мемуарных очерков Б.К. Зайцева «Москва»⁵⁵. Книга вышла, вероятно, в феврале 1939 г. Рецензия П.М. Пильского на данное издание появилась в рижской газете «Сегодня» в номере от 18 марта 1939 г.⁵⁶ Дата выхода книги уточняется также письмом Зайцева к Вишняку от 2 марта 1939 г., где сообщалось: «я

получил 1 экз[емпляр] кн[иги] своей “Москва” – Павловский пишет, что остальные 29 экз[емпляров] передаст мне издательство. Книга в Париже объявлена и продается. Не будете ли так добры распорядиться доставить мне эти авторские экземпляры?»⁵⁷.

Последняя книга, выпущенная издательством М.Н. Павловского, – сборник рассказов Тэффи «Зигзаг»⁵⁸. Издание вышло в свет, вероятно, в начале мая 1939 г. Павловский сообщал Вишняку в письме от 6 апреля 1939 г.: «следующей книгой мы здесь выпускаем “Зигзаг” Тэффи, которая придет в Париж числа 15–20 мая. На этот раз “printed in China” будет отмечено»⁵⁹. П.М. Пильский откликнулся на книгу рецензией в газете «Сегодня» в номере от 29 июня 1939 г.⁶⁰

Весьма загадочна история еще одного (мнимого?) издания книгоиздательства «Русские записки». Речь идет о книге Вадима Андреева (сына Леонида Андреева) «Детство. Повесть об отце». Единственное место, где зафиксировано данное издание, это картотека А.Д. Алексеева в Пушкинском доме, со следующей записью: «*Андреев В.* Детство. (Повесть об отце). Париж: “Рус. Записки”, 1938. 265 с.»; на архивной карточке – помета другим почерком: «У Фостер – нет»⁶¹. На основе информации на архивной карточке была внесена соответствующая запись в известный посмертный библиографический справочник А.Д. Алексеева 1993 года⁶².

Проблема в том, что отдельного издания «Повести об отце» 1938 г. нет в крупнейших российских и зарубежных книгохранилищах; безрезультатным оказался также поиск в сводных интернет-каталогах научных библиотек (<http://kvk.bibliothek.kit.edu>; <http://www.worldcat.org/>). Не обладаем и косвенными данными о выходе книги – рецензий на мнимое издание 1938 г. не удалось выявить. В рекламном списке книг издательства «Русские записки», помещенном в конце сборника Тэффи «Зигзаг», книга не фигурирует ни в графе «Вышли из печати» (где указаны все опубликованные издательством книги, кроме указателя к «Современным запискам»), ни в графе «Готовятся к печати» (где указаны «Давнее» М.А. Алданова и «Весна в Фиальте» В. Сирина).

Запись в картотеке А.Д. Алексеева противоречит также информации по поводу «Повести об отце», извлеченной из гуверовского архивного фонда М.В. Вишняка (являющегося фактически и редакционным архивом «Русских записок»). Об издании книги говорится, в частности, в письме Андреева к Вишняку от 16 января 1939 г.: «Пользуюсь случаем для того, чтобы напомнить Вам, что я до сих пор не получил оттисков двух последних номеров журнала – ноябрьского и декабрьского. Теперь, когда издание моей “Повести” отдельной книжкой становится день ото дня все проблематичнее, мне эти оттиски до чрезвычайности нужны»⁶³.

Текст «Повести об отце» печатался в журнале «Русские записки» с мая по декабрь 1938 г. (№ 5–12). В издательстве рассматривался, в частности, вариант публикации книги с использованием набора «Русских записок», как явствует из письма Павловского к Вишняку от 29 октября 1938 г. (его текст приведен ниже в статье).

Планы издания книги упоминаются также в письме Андреева к Вишняку от 18 июля 1939 г.: «Дорогой Марк Вениаминович, простите, что задержал рецензии – завален моей кинематографической работой. В то же время еще раз приходится “чинить” мою “Повесть об отце” – если судьба не обманет, издам ее отдельной книгой еще в текущем году»⁶⁴.

Из письма явствует, что еще в середине июля 1939 г. отдельного издания «Повести об отце» не существовало. Полтора месяца спустя издательство «Русские записки» прекратило свою деятельность в связи с началом Второй мировой войны. В сохранившейся у Вишняка редакционной переписке проект публикации книги Андреева больше не упоминается. Судя по всему, издание в свое время так и не состоялось, а приведенную выше запись в картотеке А.Д. Алексеева следует считать библиографическим казусом (фиксированием несуществующего издания).

Издательское предприятие М.Н. Павловского привлекло внимание ряда других писателей из круга сотрудников как «Современных», так и «Русских записок». В частности, Иван Бунин старался выяснить у Вишняка условия возможной публикации в этом издательстве. В письме от 23 октября 1938 г. он писал Вишняку: «Дорогой Марк Вениаминович, воображаю, как Вы меня, иногда вспомнив обо мне, матюкаете! Но погодите еще ставить крест на моих обещаниях. Сейчас не будете ли добры написать мне два словечка: кто заведует изданием книг в издательстве “Русские записки”? В Париже редакция и печатание? И плата гонорара тоже в Париже? И какие условия? Мог бы дать Вам книгу новых моих рассказов. (В Шанхай я не мог дать – за тридевять земель)»⁶⁵.

Вишняк ответил Бунину 26 октября 1938 г.: «Дорогой Иван Алексеевич! насчет того, какими словами я вспоминаю давшего не раз и не два слово и его не сдержавшего, это Вы совершенно правильно изволите предполагать... Что Чемберлен, что нобелевский лауреат – здесь все едино...

А вот относительно издательства (не журнала) “Русск[ие] зап[иски]” я, к сожалению, ничем не могу быть полезным Вам. И прием книг, и печатание, и выплата условленного гонорара производится в Шанхае и из Шанхая. Если Вам требуется адрес М.Н. Павловского, могу Вам его сообщить»⁶⁶.

О своей переписке с Буниным Вишняк сообщал Павловскому в письме от 9 ноября 1938 г.: «Чтобы перейти к административно-организационному вопросу, должен еще упомянуть о получении мною письма от Бунина. Он пишет, что представляет себе, как я его

“матюкаю”, когда о нем вспоминаю, но все же просит не окончательно ставить на нем крест: может быть, все же кое-что даст “Р[усским] з[апискам]”. Пока же его интересует: в Шанхае ли или в Париже находится редакция, печатание и касса издательства “Р[усские] з[аписки]”: он мог бы предложить книгу рассказов, но только в том случае, если она будет печататься в Париже. Я ответил ему, указав, что он прав относительно слов, которыми я поминаю не держащих своих обещаний – английского ли премьера или нобелевского лауреата, не имеет значения, – что же касается места печатания и выдачи гонорара по издательству, за этим надо обращаться не ко мне. Я могу переслать письмо или дать адрес»⁶⁷.

Бунин действительно списался с Павловским несколько месяцев спустя: «Дорогой Михаил Наумович, поздравляем с Праздником Вас и Вашу супругу.

У меня есть книга новых рассказов – все о любви – всегда ходкий товар. Предлагаю издать. Хотите ли и на каких условиях?

Мы сейчас над Монте-Карло, но пишите мне в Париж.

Ваш Ив. Бунин

4.IV.39»⁶⁸.

Копию письма Бунина вместе с копией своего ответа Бунину Павловский 18 апреля 1939 г. послал Вишняку: «Дорогой Марк Вениаминович, “для сведения и руководства” посылаю Вам копию моей переписки с И.А. Буниным. Комментарии излишни. И.А. очень хорошо знает (и Вы ему писали о “неловкости” передо мною), что я в курсе его отношений с “Р[усскими] з[аписками]”, и все же предлагает мне издать свои “новые рассказы”... Ответ мой его убедит, что предложение не встретило энтузиазма, и вопрос в лучшем случае остается открытым на ближайшие месяцы (до конца года).

Не мог я также отказать себе в удовольствии подчеркнуть, что условия издательства “остаются прежними”, т.е. теми самыми, которых не хотел принять И.А. в 1937 г., требуя “для Бунина” исключений.

Так как письмо И.А. послано авионом, я полагаю, что он рассчитывал связать с вопросом о новой книге возврат гонорара по “Рус[ским] зап[искам]” (обещанный на конец апреля). Не возражаю, если, в случае разговора на эту тему, Вы сообщите И.А., что я Вас осведомил о его предложении издать книгу “*новых* рассказов” (т.е. не имевшихся еще в конце 1937 года?).

Урегулирование вопроса об авансе было бы гораздо проще нормальным путем, т.е. выполнением обязательства (объявленного подписчикам) о сдаче рассказа в журнал.

Привет и всего лучшего

М. Павловский»⁶⁹.

Вот упомянутая в ответе Вишняку копия письма Павловского к Бунину от 18 апреля 1939 г.: «Дорогой Иван Алексеевич, благодарю за Ваше письмо от 4 апреля. Технически мы смогли бы приступить к печатанию Вашей книги в конце августа (рукопись в этом случае должна быть выслана сюда в конце июля). Но кто может сказать, что произойдет к этому времени в мире и в частности на нашем островке, называемом концессией? Вы, вероятно, смотрите на вещи более оптимистически. Поэтому отвечаю и на второй Ваш вопрос. Условия наши в отношении гонорара не изменились: 15 процентов с продажной цены, половина – по сдаче рукописи. Изменились, к сожалению, наши расчеты на тираж. От прежних иллюзий пришлось начисто отказаться. Продажа нами передана генеральному представителю – “Editeurs Réunis“, и мы печатаем максимально на 100 процентов больше того, что этот представитель у нас забирает. При книжке в 250–300 стр[аниц] цену придется поставить в 30–35 франков, а тираж определить в 600 экз[емпляров].

Еще одно замечание. Мы не имеем возможности высылать оттиски для авторской корректуры. Но опыт показал, что в этом нет практической необходимости при условии, что автор прежде, чем расстаться с рукописью, внимательно ее прокорректирует. Мы, с своей стороны, ручаемся за точное воспроизведение оригинала и выполнение всех указаний автора.

Искренне уважающий Вас»⁷⁰.

Правда, Бунина, любившего держать многочисленные корректуры, издательство, находящееся «за тридевять земель», едва ли могло вполне устроить. Никакой книги Бунина в издательстве «Русские записки» опубликовано не было.

Другим видным писателем, которого заинтересовала возможность печататься у Павловского, был Вячеслав Иванов. На его вопрос Алданов ответил в письме от 29 сентября 1938 г.: «Что до книги избранных стихов, то я тотчас по возвращении в Париж написал об этом Павловскому в Шанхай (указав ему Ваш адрес), но ответ может прийти еще только недели через три, – вот неудобная сторона этого шанхайского дела»⁷¹.

С предложением опубликовать свои произведения в издательстве «Русские записки» выступил также М.А. Осоргин, как явствует из письма Павловского к Вишняку от 15 декабря 1938 г.: «я недавно отказался (правда в условной и любезной форме) печатать его книгу рассказов»⁷².

К Павловскому с подобным вопросом обратилась также сотрудница журнала Л.А. Крестовская. В письме от 29 октября 1938 г. Павловский сообщил Вишняку: «Я получил от Л. Крестовской запрос (посланный, как она сообщает, по сговору с редактором “Р[усских] з[аписок]”) о том, не согласился ли бы я выпустить роман “Черный ветер” отдельным

изданием (рукопись романа мне прислана). К сожалению, я до сих пор не имею данных, запрошенных мною в связи с проектом издания “Повести об отце”, о стоимости печатания с готового набора Зелюком (плюс бумага). До получения этих сведений я не могу ничего ответить ни на запрос Андреева, ни на запрос Крестовской. При использовании набора “Р[усских] з[аписок]” придется в книге оставить строчку той же ширины, как и в журнале. Поэтому формат книги получится несколько иной, чем другие наши издания. – Размер наших изданий – 13,7 x 19,2 см., размер же книги, при использовании набора журнала, будет примерно 14,8 x 19,5 см. Строчек в странице будет 32 при Вашем крупном шрифте (беллетристика) и 34–35 при шрифте “Повести об отце”. Необходимо подобрать и соответственный размер бумаги для наиболее экономного ее использования.

Давая цену за печать и брошюровку *за лист, укажите точно, сколько* в нем будет *страниц вышеуказанного формата*. Отдельно – цену за обложку (3-х цветную, как все наши издания, без клише). Желательно иметь цену при тираже 600 и 800 экземпляров. При случае, сообщите Л. Крестовской, что я знакомлюсь с рукописью и отвечу ей по получении от Вас типографских справок»⁷³.

Роман Крестовской «Черный ветер» был опубликован в № 12–14 «Русских записок» за декабрь 1938 г. – февраль 1939 г.; отдельное издание не состоялось. О сомнениях насчет существования отдельного издания «Повести об отце» Вадима Андреева конца 1930-х гг. было сказано выше.

История издательства «Русские записки» не будет полной без рассказа о неосуществленных планах. Как «готовящаяся к изданию» анонсировалась, в частности, книга М.А. Алданова под названием «Давнее». Книга с подобным заглавием никогда не выходила; она, скорее всего, должна была содержать исторические очерки Алданова. Павловский собирался также, несмотря на затруднения военных лет, издать вторую часть «Начала конца», как явствует из его писем к Алданову 1941 года.

О «готовящейся к изданию», но так и не вышедшей книге Сирина «Весна в Фиальте» (не путать с одноименным нью-йоркским изданием 1956 г.) было сказано в приведенных выше письмах Павловского к Набокову от мая – июня 1938 г. Почти год спустя Павловский пытался – безуспешно, как оказалось – завершить этот проект. В письме к Вишняку от 6 апреля 1939 г. он сделал новое предложение: «Не откажите попросить Сирина дать свое согласие на следующее: мы условились выпустить под загол[овком] “Весна в Фиал[ь]те” его рассказы, не вошедшие в “Соглядатай” плюс *его пьесу*. Между тем, книжники очень не советуют помещать пьесу вместе с рассказами, как мы это сделали в “Бельв[едерском] торсе”. Это и технически выходит плохо, т.к. для пьесы у нас другой шрифт (т.к. нужен *и жирный и курсив*). Поэтому мы предложили бы заменить пьесу 3-мя нов[ыми] рассказами,

появившимися в “Р[усских] зап[исках]” (2) и в “Совр[еменных] зап[исках]” (1). Этого было бы вполне достаточным для заполнения книги (280–300 стр[аниц]). Если Сириин согласен, напишите мне – телеграфировать не стоит, т.к. время есть»⁷⁴.

Вишняк ответил Павловскому в письме от 30 апреля 1939 г.: «От Сирина получился ответ: он согласен, чтобы в сборник его рассказов были включены последние его 3 рассказа (2 из “Русск[их]” и 1 из “Совр[еменных]” Записок), но все же рассчитывает, что и выключенная из этого Сборника (“Вечер в Фиальте”) пьеса рано или поздно увидит свет»⁷⁵.

М.Н. Павловский заинтересовался и другой книгой Набокова – «Дар». Набоков предложил Павловскому опубликовать этот роман в письме от 29 июня 1938 г.: «Что касается “Дара”, то закончил я его давно, и очень хотел бы выпустить его отдельным изданием. В нем около 450 страниц. IV глава, по моему замыслу центральная (“Жизнь Чернышевского”), так и осталась *inedited* [неопубликованной, неизданной (англ.)]. Пожалуйста, сообщите мне, если издание “Дара” может представить для Вас интерес»⁷⁶.

Роман Набокова печатался в это время в «Современных записках» (в книгах 63–67 за 1937–1938 гг.), но без злополучной четвертой главы. Нам уже приходилось писать о причинах этого конфликта: «Чернышевский был кумиром дореволюционной демократической интеллигенции – протагонистов освободительного движения, народников и эсеров; нелицеприятное его изображение в романе Набокова было для “традиционалистов” в редакции СЗ, особенно для Вишняка, совершенно неприемлемо»⁷⁷. Вопрос о книжной публикации «Дара» волновал поэтому и редакторов журнала. О намерении Набокова узнал откуда-то Вишняк. В письме к Павловскому от 13 августа 1938 г. он спрашивал: «И еще: верно ли, что изд[ательство] “Р[усские] з[аписки]” собирается выпустить сириинский “Дар” полностью в 5 частях, т.е. с включением и той 4-ой, которая посвящена полупублицистич[ескому] пасквилю на Чернышевского?...»⁷⁸

Однако Павловский и сам сомневался, напуганный отрицательной реакцией парижских товарищей-эсеров на публичное чтение главы о Чернышевском (состоявшееся еще 6 февраля 1937 г. в Париже на квартире Фондаминского в присутствии 30 человек). Он ответил Вишняку в письме от 5 сентября 1938 г.: «2°. По тем же причинам, которые изложены выше⁷⁹, я оставил открытым вопрос об издании “Дара”. Что же касается его 4-й части (я ее еще не читал), то в принципе я допускаю возможность ее издания на том основании, что изд[ательство] несет гораздо меньшую ответственность за содержание книги, чем редакция журнала (особенно, когда речь идет о крупном писателе). Но я допускал и допускаю, что П.Н. [Милюкову] и Вам могло бы не понравиться издание под фирмой изд[ательства] “Русск[ие] зап[иски]”, и я предполагал согласовать этот вопрос с Вами, и в крайнем случае указать на обложке другое название изд[ательства]. Но все это – вопрос далекого будущего.

Нужно: 1) мне самому прочитать 4-ю главу; 2) чтобы к осени будущего года (“Е[сли] Ж[ивы] Б[удем]”!) “Дар” был еще свободен, т.е. не взят другим издательством»⁸⁰.

Вопрос о «Даре» обсуждался Павловским также с другим редактором «Современных записок». В письме к Рудневу от 27 декабря 1938 г. он пишет в связи с содержанием 67-й книги журнала: «Очень мне понравилась Ваша статья о Чехословакии. Гораздо меньше – обе статьи – и Бунина и Алданова – о Куприне. Зато – великолепен – “Дар”. Вот уж действительно самое выдающееся произведение нашей эмигрантской литературы. Если памятником ее останется только “Дар”, то этого будет достаточно. Для меня лично создается тягостный *cas de conscience*. В. Сирин предложил мне издать *всю* книгу, включая 4-ую часть. Не издать такой книги прямо невозможно (когда *до сих пор* продолжает выходить отдельными книгами всякая ерунда). Но что делать с 4-й частью (которую я сам даже еще не читал, но которой меня пугают решительно со всех сторон)?»⁸¹.

Сомнениям Павловского положила конец разразившаяся Вторая мировая война. Осенью 1939 г. он прекратил всю издательскую деятельность, включая и журнал. Руднев сообщал об этом П.М. Бицилли в письме от 10 января 1940 г.: «Потом подошел сентябрь 1939 г. Даже богатейшие (меценат изумительный!) “Русские записки” и то закрылись из-за риска издания сейчас книги (сокращение рынка, исчезновение бумаги, цензура и пр.)»⁸².

О приостановлении журнала Вишняк сообщал в письме к Павловскому от 4 сентября 1939 г.: «Если (подчеркиваю: “если”), – потому что до самой последней минуты нельзя быть вполне уверенным) эту книгу 20–21 выпустим, – издание приостановим, руководясь и общим положением вещей (ограничение бумаги, цензуры, убыль сотрудников и т.д.), и текстуальным приказом Вашей прошлогодней телеграммы от 28 сентября [19]38 г.: “Ка эвенеман сюспандэ публикасион, реглэ абоннэ”...»⁸³.

Последнюю книгу журнала удалось выпустить без задержки, о чем Вишняк извещал Павловского в письме от 13 сентября 1939 г.: «Как бы то ни было, – но сентябрьскую книжку мы выпустили. На случай, что книга, отправленная Вам 7-го (мы не запоздали ни на один день!), до Вас еще не дошла, – никто сейчас не знает, *каким путем* к Вам идет сейчас почта, – сообщу, что я сделал на внутренней стороне обложки примечание жирным шрифтом: “Значительная часть этой книги была отпечатана *до* катастрофического развития событий, – вследствие чего удалось дать лишь несколько статей, связанных с освещением происшедшего”. – Я сделал это примечание, даже не снесшись с П.Н. [Милюковым], потому что боялся, как бы книга не произвела впечатления своим выходом в такую минуту некоторой несвоевременности, архаизма и даже “курьеза”: мир и культура рушатся, а они экзотику Федорова и эротику Газданова печатают... За несколько дней, что прошли с момента выпуска книги, я уже убедился, что страх мой был напрасен: книга определенно

нравится (и даже роман Газданова имеет большой успех; многие запрашивают, – чем же он заканчивается), да и жизнь вообще не кончилась еще, а продолжается...»⁸⁴.

Прекращение деятельности издательства мыслилось Павловским как временное. Уже 10 января 1940 г. он предложил Вишняку выпустить сборник статей памяти своего близкого друга времен Уфимской директории, товарища по партии эсеров А.А. Аргунова (умершего 7 ноября 1939 г. в Праге): «Мне бы очень хотелось издать сборник памяти Андр[ея] Ал[ександровича] Аргунова. Его жизнь, вся посвященная в конце концов одному делу, заслуживает большего отклика на смерть, чем это получилось. Слетов тоже умер во время войны, и не до отдельных людей было, но сборник мы тогда все же издали⁸⁵ – оставили памятку для будущего. Если Вы считаете это дело осуществимым, я бы был Вам благодарен за присылку схемы, к[а]к литературной, т[а]к и финансовой (сколько будет стоить, какой формат, объем, № экзем[пляров]). Я думаю, что, кроме старых товарищей, участие в сборнике могли бы принять и другие лица, имевшие дело с А.А. и лично его уважавшие. М.б. и П. Н[иколаевич] Миллюков напишет статью? И Алданов? Буду ждать Вашего ответа»⁸⁶.

Вишняк ответил Павловскому 4 февраля 1940 г.: «Самый сборник мне кажется вполне осуществимым. Я переговорил об этом и заручился согласием Марка Алекс[андровича] Алданова и Николая Дмитриевича [Авксентьева]. Алданов готов дать несколько страничек. Авксентьев согласен даже написать пространный биографический очерк, если я ему достану данные, точные даты и проч. Данные эти можно будет, вероятно, добыть через Кускову у вдовы Аргунова. В качестве возможных авторов воспоминаний, кроме Алд[анова] и Авкс[ентьева], можно будет привлечь Зензинова, Кускову, Делевского, ныне евангелиста-сектанта и проповедника В.Ф. Токарева, большого друга Аргуновых и до 6-го года эсера; вероятно, что-нибудь дадите Вы; может быть, – если понадобится, – дам я. Но все это будет достаточно скучно, и на продажу рассчитывать не может. Надо будет запросить нью-йоркских товарищей, сколько экземпляров они взяли бы, и на указанное ими число набавить 100 экз[емляров]. Я считаю, что предельный размер сборника – 5 печатных листов; максимум тиража – 300 экз[емляров]. При нашей бумаге 5 листов будут стоить примерно 2.500 фр[анков] типографии, 2.000 фр[анков] авторских и 500 фр[анков] – корректура с выпуском. Всего около 5.000 фр[анков] расходов и решение проблемы: к кому обратиться с предложением написать об Андр[ее] Алекс[андровиче] в первую очередь – к Виктору Мих[айловичу] Чернову или к Павлу Ник[олаевичу] Миллюкову, ибо есть риск, что один с другим не захочет сотрудничать, даже если П.Н. и согласился бы написать несколько страниц об А.А. (Вы ведь знаете, что, когда П.Н. разошелся с “Крестьянской Россией”, он лютой ненавистью возненавидел не только Маслова, но и А.А.). На мой взгляд – того же

мнения держится и Ник[олай] Дмитр[иевич] Авксентьев]. – Чернов в данном случае мог бы сказать больше и интереснее, нежели П.Н. И хотя покойный А.А. терпеть не мог В. М[ихайловича]ча, я бы все-таки обратился раньше к Ч[ернову], даже с риском, что П.Н. в таком случае откажется. А Ваше мнение?»⁸⁷.

Переписка по поводу задуманного сборника продолжалась еще некоторое время. Павловский ответил Вишняку 21 февраля 1940 г.: «3°. Сборник памяти А.А. С Вашей программой согласен, приступайте. Главное, конечно, подобрать данные биографии и жизнедеятельности А.А. (к[а]к ни скромны и по количеству, и по качеству писания покойного, хорошо бы подобрать указатель). Уцелела ли его последняя вещь, об издании которой он просил меня в последнем, через Вас переданном письме? М.б., можно взять что-либо оттуда, этим выполнив до некоторой степени его “предсмертную волю”. К Викт[ору] Мих[ауловичу] Чернову] нужно, конечно, обратиться в первую очередь, но написать следует и П.Н. [Милюкову]. Думаю, что не следует обойти и Е.А. Сталинского, соредактора А.А. по “Воле народа”⁸⁸, м.б., даже (если Вы и другие сочтут нужным) и В.И. Лебедева. Наконец, раз у нас время есть (нужно *двинуть* дело, сроком же для печатания мы не ограничены) и будете писать в Америку, нужно бы попросить статью и у А.Ф. [Керенского]. На продажу, разумеется, рассчитывать не приходится, но смысл сборника не в этом. – Кстати, в связи с персональными взаимоотношениями авторов, я лишний раз рискую Вам продемонстрировать свое “провинциальное прекрасодушие”, но уверяю Вас, что именно издаека истинный и полу-комический смысл этих взаимоотношений виднее. Но эта “объективная” оценка, конечно, не устраняет не менее объективного *факта* существования всех этих трудностей, иногда, к сожалению, не преодолимых»⁸⁹.

Получив это письмо, Вишняк обратился 12 марта 1940 г. к Милюкову: «Получил письмо от Мих[аила] Наумовича. ...по всему видно, что он не утратил ни своей активности, ни своего интереса ко всякого рода издательски-политическим предприятиям. Он предлагает, в частности, издать небольшой сборник памяти своего друга Андрея Алекс[андровича] Аргунова и просит меня обратиться к Вам с предложением, не дадите ли и Вы небольшую статью о покойном? – Рукопись нужна неспешно. Предполагается и гонорар – из расчета в 400 фр[анков] за печатный лист в 40 тыс[яч] знаков. – Пока требуется лишь Ваше принципиальное согласие»⁹⁰.

В тот же день, 12 марта 1940 г., Вишняк ответил Павловскому на письмо от 21 февраля 1940 г.: «Переход к второму пункту – о Сборнике. – Я сговорился уже с Авксентьевым. Мы с ним, Ильей Ник[олаевичем] Коварским] и, может быть, еще одним лицом, составим редакционно-техническую коллегию. Я уже написал Кусковой: предложил дать очерк о жизнедеятельности А.А. в Праге и, главное, добыть фактически-хронологический материал у

Марьи Евгениевны [Аргуновой]. На полученной канве Ник[олай] Дм[итриевич Авксентьев] обещал вырисовать биографический очерк и характеристику. – В ближайшее время обращаюсь к Викт[ору] Мих[айловичу Чернову], и кто-нибудь другой – к Сталинскому. (Лебедев по-прежнему в Америке.) – Рукопись А.А. находится у его здешнего друга-евангелиста Токарева, и ее легко будет получить. Я бы уже снесся с ним, но не сговорился с Ник[олая] Дм[итриевича] относительно привлечения самого Токарева к участию в Сборнике. Я скорее – “за”, а Н.Д. как будто – против. – К А.Ф. [Керенскому], только что вернувшемуся из Соед[иненных] Штатов, думаю, бесполезно обращаться: он сейчас захвачен высокой политикой, страшно бодро и уверенно настроен, и ему, вероятно, не до того. Он собирается к тому же в Лондон»⁹¹.

Три месяца спустя, в начале июня 1940 г., Вторая мировая война захватила и Францию. Общественная жизнь русской эмиграции в Париже на долгое время приостановилась. Вишняк и Авксентьев перебрались осенью 1940 г. в США. Сборник памяти А.А. Аргунова так и не состоялся.

Весной 1941 г. Павловский пытался возобновить издательскую деятельность, предлагая Алданову в письмах от 5 марта и от 15 мая 1941 г. возможные варианты издания второй части «Начала конца» (см. приложение, письма 7–8), однако эти попытки оказались тщетными.

В письме от 21 января 1946 г. Павловский писал Алданову все еще из Шанхая и напоминал: «Кстати, имейте в виду, что у меня сохранилось в целости Ваше “Давнее”. Здесь перспектив на его издание в ближайшее время никаких. Не хотите ли, чтобы я его выслал Вам в Америку?»⁹².

Три года спустя Павловский сам переселился в Америку. Вместе с женой, Таисией Константиновной Павловской (21.10.1898, Барнаул⁹³ – не ранее 1968⁹⁴), он прибыл в Сан-Франциско в начале апреля 1949 г., как явствует из его письма к Вишнякам от 9 апреля 1949 г.: «Дорогие Марк Вениаминович и Мария Абрамовна, прилетели мы два дня тому назад в San Francisco. Пробудем здесь еще дней 5–6, а затем поедem в New York. Будем рады снова повидать всех Вас. Надеemся, все у Вас благополучно, и все Вы здоровы.

В Нью-Йорке мы не собираемemся задерживаться долго – наш дальнейший путь – в Париж»⁹⁵.

В Нью-Йорке Павловский успел опубликовать книгу о китайско-русских отношениях, написанную за годы войны⁹⁶. Однако вскоре он перебрался в Европу. Следующее его письмо к Вишняку, отправленное уже из Парижа, датировано 17 октября 1949 года⁹⁷. К концу 1952 г. Павловские поселились в Лозанне; первое письмо, отправленное Вишняку из Швейцарии, датировано 15 ноября 1952 года⁹⁸. Впрочем, Павловский постоянно бывал по делам в

Париже, как явствует из его письма к Вишняку от 11 марта 1954 г.: «Мы теперь живем “в принципе” больше в Лозанне, хотя мне приходится каждый месяц ездить в Париж. Т[аисия] К[онстантиновна] все же более соблюдает “принцип” и больше проводит времени в Лозанне»⁹⁹.

В последние годы жизни Павловский работал над второй книгой о Дальнем Востоке; рукопись осталась незавершенной и неопубликованной. Скончался Павловский 17 апреля 1963 г. в Лозанне¹⁰⁰. Вишняк откликнулся на весть о его смерти письмом к вдове от 25 апреля 1963 г., где, в частности, спрашивал: «Не возражаете ли Вы против того, чтобы я написал нечто вроде некролога М.Н. в парижской “Русской мысли” и нью-йоркском “Социалистическом вестнике”? (В “Нов[ом] р[усском] слове” я уже больше трех лет не пишу.) Не дать ли в “Нов[ом] р[усском] слове” и в “Русской мысли” краткой фактической заметки о кончине М.Н.?»¹⁰¹.

Т.К. Павловская ответила Вишняку 13 мая 1963 г.: «На счет некролога, я думаю, это нужно оставить, так как писать в русских газетах его индустриальную жизнь это никого не интересует и это никто не знает; если бы я хотела, [чтобы] об этом написали, то только в французской газете, но он уже семь лет, как ушел от дел, все наверное забыли. Политическую сторону [так] его деятельности *ни в коем случае нельзя касаться*, т.к. его дочь в Москве. Вы знали, что он хотел издать свою книгу на чужое имя. Таким образом оставим это в молчании, ему этого не надо сейчас, он всегда был очень скромным человеком»¹⁰².

Вишняк три дня спустя (16 мая 1963 г.) еще раз пытался – тщетно – убедить Т.К. Павловскую в желательности отклика в печати на смерть мужа. Данное письмо само по себе является своего рода некрологом: «Дорогая Таисия Константиновна! Благодарность Вашу передал по назначению: Коварским, Берте Михайловне [Авксентьевой], Николаевскому.

Конечно, если Вы не разрешаете, я писать некролог о Мих[аиле] Наумовиче не буду. Но я с Вами решительно не согласен в этом пункте. Покойному, это, может быть, и не требуется. Но он жил не в безвоздушном пространстве, а окруженный людьми, которые его ценили и, мне кажется, вправе узнать подробнее, что это был за человек, которого не стало. Между тем, даже факт его смерти известен очень немногим.

Думаю, что жизнь М.Н. не исчерпывалась его промышленной деятельностью, как она успешна и значительна ни была. Только после первой мировой войны стал он “индустриалистом”, а связи с такими людьми, как Чернов, Абрамович, Николаевский, он поддерживал до самой смерти – и отношения эти были не только личные. Наконец, его две книги о русско-китайских отношениях, на мой взгляд, *останутся*, т.е. сохранят свое значение и тогда, когда память о промышленной деятельности М.Н. изгладится даже у французов и китайцев.

Может быть, Вы согласитесь, чтобы некролог написал такой человек как Адамович? Он ведь ничего общего никогда не имел с политикой, а Мих[аила] Наумовича все-таки немного знал и, надеюсь, не откажется о нем написать.

С другой стороны, может быть, Вы не станете возражать, если бы я воспроизвел уже напечатанное мною о М.Н., как об издателе “Русских записок”, *без упоминания его имени?* М.Н. читал это (в моей книге о “Совр[еменных] зап[исках]”) и не возражал. После его смерти тем менее может это повредить его близким в России. Если большевиков интересует то, что было 25 лет назад, они давно это узнали при посредстве своей агентуры и через приехавших из Парижа после войны “возвращенцев”: Любимова, Одинца, Ладинского, Цветаева и др.

И последнее. Как Вы, может быть, знаете, в августе я предполагаю быть в Швейцарии (в Бадене). Меня интересует, в каком положении книга, которую готовил М.Н. к печати: удобочитаема ли она? И разрешите ли Вы с нею ознакомиться (*не для использования в печати!*).

Неприятно досаждают Вам: Вы и утомлены, и Вам не до моих запросов. Но все-таки... Как выйти из положения полного умолчания о выдающемся человеке, которым несомненно был М.Н. Это не только нестерпимо, это и незаслуженно ни им самим, ни связанными с ним в течение десятилетий. Надеюсь, Вы поймете меня правильно и не осудите: пишу откровенно, что думаю, но с самыми добрыми чувствами к М.Н. и Вам.

Обнимаю Вас

М. Вишняк»¹⁰³.

Итак, запретом вдовы Павловского объясняется, почему общественно-политическая, профессиональная и – не в последнюю очередь – издательская деятельность этой незаурядной личности, равно как детали биографии Павловского не получили в свое время освещения в печати и остались на долгие десятилетия почти полностью забытыми.

---

¹ Как ни странно, нет статьи о М.Н. Павловском и в словаре А.А. Хисамутдинова, лучшим на сегодня справочнике по русской эмиграции на Дальнем Востоке (см.: *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Биобиблиографический словарь. Владивосток, 2001).

² Российское зарубежье во Франции, 1919–2000. Биографический словарь: В 3 т. / Под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М., 2010. Т. 2. С. 384.

³ Павловский Михаил Наумович // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B8%D0%BB_%D0%9D%D0%B0%D1%83%D0%BC%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87.

⁴ Временное Всероссийское правительство (23 сентября – 18 ноября 1918 г.): Сб. док. и материалов / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2010. С. 128.

⁵ *Вишняк М.В.* «Современные записки»: Воспоминания редактора. Bloomington, IN, 1957. С. 322–324.

⁶ *Вишняк М.В.* Годы эмиграции. 1919–1969. Париж – Нью-Йорк: (Воспоминания). Stanford, CA, 1970. С. 113.

⁷ «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции: В 4 т. / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М., 2011–2014.

⁸ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 66.

⁹ *Вишняк М.В.* Годы эмиграции. С. 113.

¹⁰ Ср. анкетные данные М.Н. Павловского для получения американской визы, приведенные в письме к М.В. Вишняку от 10 октября 1941 г. из Шанхая: «в 1910 г. за принадл[ежность] к П.С.Р. Киевск[ой] Суд[ебной] Палатой высылка на поселение»» (НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 66).

¹¹ Вишняк М.В. Годы эмиграции. С. 113.

¹² LRA. MS. 1500/9.

¹³ Временное Всероссийское правительство. С. 43–44.

¹⁴ Ср. запись в дальневосточном справочнике 1922 г.: «Павловский, Михаил Наумович, в агитационных бюллетенях № 5 „От демократич. группы кандидатов на выборах в Учредительное Собрание Д. Востока“ сообщалось: инженер-электрик, б. Председатель Высшего Совета Снабжения Всероссийского Вр. Правительства (Директории), журналист, чл. редакции газ. „Вечер“, правый с.-р.» (И-ч [Ивашкевич Б.А.]. Писатели, ученые и журналисты на Дальнем Востоке за 1918–1922 гг. Владивосток, 1922. С. 52).

¹⁵ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 66.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Вишняк М.В. Годы эмиграции. С. 113–114.

¹⁸ В архиве В.В. Руднева сохранился чек Павловского на 3000 франков на имя Н.Д. Авксентьева, датированный 6 мая 1939 г.; на обороте запись рукой Руднева: «Копия чека Павловского для пражских с-р» (LRA. MS. 1500/7).

¹⁹ Сам Авксентьев, впрочем, относился к Павловскому неоднозначно, как явствует из его письма к Рудневу от 20 августа 1938 г.: «То, что ты сообщаешь о Павловском – как говорят французы – est très rigolo [очень забавно]! Самоуверенный и, скажем, смелости хоть отбавляй. Такие преуспевают! Но я лично постараюсь, когда он пребудет во славе через 2 года, держаться от него подальше. А то опять нас – конечно, нас – “облагодетельствуют”» («Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Т. 1. С. 866).

²⁰ Вишняк М.В. «Современные записки». С. 322–323.

²¹ Русские записки: Общественно-политический и литературный журнал. Париж; Шанхай [с № 4: Париж], 1937–1939. № 1–20/21.

²² URL: <http://www.emigrantika.ru/bib/341-rom>

²³ Вишняк М.В. «Современные записки». С. 323–324.

²⁴ «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Т. 1. С. 839. Здесь и далее курсивом выделены авторские подчеркивания.

²⁵ Вишняк М.В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. С. 325.

²⁶ Вишняк М.В. Годы эмиграции. С. 114–115.

²⁷ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 57–67; Box 9, folder 1–5. В том же фонде имеется также переписка Вишняка с вдовой Павловского, Т.К. Павловской, за 1963–1968 гг. (НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 56).

²⁸ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 7, folder 76–78.

²⁹ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 57.

³⁰ Ibid.

³¹ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 58.

³² НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 19, folder 13. Воспроизведено в кн.: «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Т. 1. Вклейка между с. 384 и 385 (Илл. 14). Об этой фотографии говорится в письме Вишняка к Павловскому от 27 мая 1938 г.: «Очень Вам благодарен за карточки. Наша вышла совсем неплохо. Один экземпляр я сегодня отдал П.Н. [Милюкову]. – Ему тоже понравилась. Когда он рассматривал, – прислуга, подававшая чайник, заглянула тоже. П.Н. пояснил ей: вот человек, который дает деньги, а вот двое, которые их тратят...» (НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 59).

³³ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 66. Данная фраза является реакцией на следующий пассаж в письме Вишняка к Павловскому от 16 октября 1941 г. (речь идет об аффидевитах, т.е. о письменных заявлениях Вишняка в связи с хлопотами об американской визе для Павловского): «“Пур тут фэн ютиль”, как говорят французы, сообщу вам, что я написал в своих биографических Аффидейвитах. Хорошо, что к вопросу 5 (Форм “В”) придано слово “аппроксимэтивли”, а то бы я вовсе не решился на него ответить. Ответил я “по совести” так: Могилев, Россия 1889–1907; Петербург 1907–1912; Льеж, Бельгия 1912–1914; Париж 1914–1917; Петербург, Омск, Харбин 1918–1924; Шанхай 1925–1936; Париж 1936–1937; Шанхай 1937–1941. Да, еще забыл, что должен был указать, когда я видел в последний раз лиц, коим выдаю Аф[ф]ид[ей]вит]. Это было, как мне помнится, – февраль 1937 г. в Париже» (Ibid.).

³⁴ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 58.

³⁵ Ibid.

³⁶ Мориак Ф. Волчица (Genitrix) / Пер. Г.Н. Кузнецовой; предисл. И.А. Бунина. Париж, 1938. 119 с.

³⁷ Алданов М.А. Бельведерский торс: Роман. Париж, 1938. 189 с.

³⁸ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 59.

³⁹ Сурин В. [Набоков В.В.] Соглядатай. Париж, 1938. 255 с.

⁴⁰ «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Т. 4. С. 323.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 328.

⁴³ «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Т. 2. С. 89. Ср. также в письме Вишняка к Павловскому от 19 июня 1938 г.: «Книжка Алданова – с двумя шрифтами в тексте и с “Петрополисовской” формой обложки – издана, на мой взгляд, не слишком блестяще. По крайней мере, он сам не в восторге» (НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 59).

⁴⁴ Тэффи Н. О нежности. Париж, 1938. 294 с.

⁴⁵ «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Т. 4. С. 573. Ср. также недатированное письмо Тэффи к М.В. Вишняку, имеющее отношение к подготовке данного издания: «Дорогой Марк Веняминович, мне нужен адрес Павловского в Шанхае – он ведь там? Нужно снести (какое куриное слово!) по поводу книги, которую он у меня взял» (Там же. С. 573).

⁴⁶ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 59.

⁴⁷ Алданов М.А. Начало конца. Париж; [Шанхай], 1939. Ч. 1. 319 с.

⁴⁸ «Современные записки»: Указатель. №№ I–LXV, 1920–1937. [Шанхай: Б.и., 1938]. 93 с.

⁴⁹ Ср.: «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Т. 1. С. 885–886.

⁵⁰ LRA. MS. 1500/9.

⁵¹ Ibid.

⁵² Ibid.

⁵³ LRA. MS. 1500/7.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Зайцев Б.К. Москва. Париж, 1939. 297 с.

⁵⁶ См.: Трубников П. [Пильский П.]. [Рец. на кн.: Зайцев Б.К. Москва. Париж, 1939] // Сегодня (Рига). 1939. 18 марта. № 77. С. 2.

⁵⁷ «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Т. 3. С. 758.

⁵⁸ Тэффи Н. Зигзаг. Париж; Шанхай, 1939. 324 с.

⁵⁹ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 63.

⁶⁰ Пильский П. [Рец. на кн.: Тэффи Н. Зигзаг. Париж; Шанхай, 1939] // Сегодня. 1939. 29 июня. № 177. С. 4.

⁶¹ ИРЛИ. Картотека А.Д. Алексеева. Имеется в виду известный справочник Л.А. Фостер, где, действительно, на страницах, посвященных В.Л. Андрееву, отдельное издание «Повести об отце» 1938 г. отсутствует (зато зафиксированы два московских издания «Детства» 1963 и 1966 гг.). См.: Библиография русской зарубежной литературы 1918–1968 / Сост. Л.А. Фостер = Bibliography of Russian Emigre Literature 1918–1968 / Comp. by L.A. Foster. Boston, MA, 1970. Т. 1. С. 144–146.

⁶² Алексеев А.Д. Литература русского зарубежья. Книги 1917–1940. Материалы к библиографии / Отв. ред. К.Д. Муратова. СПб., 1993. С. 18.

⁶³ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 1, folder 24.

⁶⁴ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 44. Отметим попутно, что письма В.Л. Андреева отложились в архиве Вишняка не только в первой коробке, в папке на подлинную фамилию Андреев (Box 1, folder 24), но и в восьмой коробке, в папке на псевдоним Осокин (Box 8, folder 44).

⁶⁵ «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Т. 2. С. 920.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 61.

⁶⁸ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 63. Ср. в письме Бунина к Вишняку от 29 мая 1939 г.: «я обещал вам возратить в мае то, что я должен Павловскому. Но я веду сейчас с Павловским переговоры насчет издания у него книжки моих новых рассказов. Если мы сговоримся с ним, мой долг ему пойдет в уплату за эту книжку. А не сговоримся, пришлю этот долг Вам» («Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Т. 2. С. 926).

⁶⁹ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 63.

⁷⁰ Ibid.

⁷¹ «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Т. 3. С. 979–980.

⁷² НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 61.

⁷³ Ibid.

⁷⁴ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 63.

⁷⁵ Ibid.

⁷⁶ «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Т. 4. С. 328–329.

⁷⁷ Шруба М. История журнала «Современные записки» в свете редакционной переписки // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Т. 1. С. 110.

⁷⁸ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 60.

⁷⁹ В первой части письма речь идет о технических проблемах: «1°. Издание “Повести об отце” [В.Л. Андреева]. Если бы пришлось набирать и печатать здесь, я бы ответил на В[аш] вопрос сразу же отрицательно. Причины: а) мы замедлили выход дальнейшей книг, т.к. три выпущенные (Алд[анов], Сир[ин] и Тэффи) пойдут в продажу только осенью, а кроме того, нам нужно время организовать распространение (Вы, вероятно, знаете о переговорах И.Н. [Коварского], вместе с [Ал. Пав.] Мещерским, с “Д[омом] кн[иги]” и другими); б) взятыми уже к печатанию книгами мы нагружены на весь зимний сезон 1938–39 г.; в) речь, поэтому, могла бы идти о

выпуске книги к осени 1939. При нын[ешнем] положении я не склонен ни себя ангажировать, ни ангажировать автора на такой срок. Проект Ваш о печатании с готового уже набора (об этом Вы пишете впервые, и я не знал, что Зелюк дает Вам [рукой Вишняка приписано: «не нам, а А[ндрее]ву») хранить набор почти полгода) может изменить положение, но для решения вопроса мне не хватает сведений: а) каков будет объем книги; б) во сколько приблизит[ельно] обойдется печатание с бумагой 700 примерно экземпляров. По получении этих данных дам Вам окончательный ответ».

⁸⁰ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 60.

⁸¹ LRA. MS. 1500/7.

⁸² «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Т. 2. С. 640.

⁸³ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 64. Упомянутая телеграмма сохранилась в архиве Вишняка: «CAS EVENEMENTS SUSPENDEZ PUBLICATIONS REGLEZ ABONNES [В случае событий прекратите публикации, верните деньги подписчикам]» (НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 60).

⁸⁴ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 64.

⁸⁵ См.: Памяти Степана Николаевича Слетова. Париж, 1916. С.Н. Слетов (1876, Тамбов – 1915, Париж) был одним из руководителей партии эсеров.

⁸⁶ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 65.

⁸⁷ Ibid.

⁸⁸ Газета правых эсеров «Воля народа» выходила в Петрограде с апреля 1917 г. по февраль 1918 г. (с ноября 1917 г. под разными названиями: «Воля», «Воля вольная», «Воля страны», «Воля земли»).

⁸⁹ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 65.

⁹⁰ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 7, folder 78.

⁹¹ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 65.

⁹² ВА. М. Aldanov papers. Box 9, folder «P–R».

⁹³ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 66.

⁹⁴ Последнее письмо Т.К. Павловской, сохранившееся в архиве Вишняка, датировано 15 января 1968 г. (см.: НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 8, folder 56).

⁹⁵ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 9, folder 1.

⁹⁶ См.: *Pavlovsky M.N. Chinese-Russian Relations. N.Y., [1949]. VIII, 194 p.* Книга Павловского вызвала многочисленные отклики. См. рецензии: *Lantzeff G.V. [Review] // Pacific Historical Review. 1949. Vol. 18, № 4. P. 540–541; North R.C. [Review] // Pacific Affairs. 1950. Vol. 23, № 4. P. 433–436; White J.A. [Review] // The Far Eastern Quarterly. 1949. Vol. 9, № 1. P. 100–101; Parry A. [Review] // The Russian Review. 1950. Vol. 9, № 4. P. 330–333; Pritchard E.H. [Review] // The Annals of American Academy of Political and Social Science. 1949. Vol. 266. P. 213–214; Wing Mah N. [Review] // The Western Political Quarterly. 1950. Vol. 3, № 1. P. 122–123; V.S.Y. [Review] // Special Science Review. 1951. Vol. 25, № 2. P. 266; Pratt J.T. [Review] // International Affairs. 1950. Vol. 26, № 3. P. 445–446; V.G.K. [Review] // The English Historical Review. 1949. Vol. 64, № 253. P. 551–552; Hudson G.F. [Review] // The Slavonic and East European Review. 1949. Vol. 28, № 70. P. 274–276; Wei H. [Review] // The Southwestern Social Science Quarterly. 1949. Vol. 30, № 3. P. 210–212; Whiting A.S. [Review] // The American Slavic and East European Review. 1950. Vol. 9, № 3. P. 222–224. Благодарю П.А. Трибунского за справку.*

⁹⁷ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 9, folder 1.

⁹⁸ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 9, folder 2.

⁹⁹ Ibid.

¹⁰⁰ НИА. Mark V. Vishniak papers. Box 9, folder 5.

¹⁰¹ Ibid.

¹⁰² Ibid.

¹⁰³ Ibid.

Переписка М.Н. Павловского с В.В. Рудневым и М.А. Алдановым

1. М.Н. Павловский – В.В. Рудневу

Шанхай, 12 апреля 1938 г.

Shanghai, 12.IV.38

Дорогой Вадим Викторович,

мы приступили здесь к составлению указателя к вышедшим 65 книжкам «Совр[еменных] зап[исок]». В основу положен указатель, приложенный к 26-й книжке, и мы дополняем его, придерживаясь того же плана, до 65-й кн[ижки] включительно.

Этот указатель мы, если Вы не возражаете, опечатаем здесь, придерживаясь формата «С[овременных] з[аписок]», и вышлем Вам несколько сот экземпляров.

Но для окончания работы нам не хватает трех книжек: №№ 40, 41 и 44. Если Вы все еще не можете их раздобыть для меня, не откажите, пожалуйста, выслать мне оглавления этих трех книг.

Начал я делать «Указатель» для себя, но потом обнаружил, что он может быть полезен и вообще читателям «Сов[ременных] зап[исок]», и в некоторой степени может стимулировать продажу^а отдельных книг, если не целых комплектов.

К жизни здешней начинаю приспосабливаться: кажется, и не уезжал вовсе. С тоской соображаю, что на Пасхе не смогу отведать вашей наливки.

Привет Вере Ивановне [Рудневой] от Т[аисии] К[онстантиновны Павловской] и меня. То же и Вам.

Ваш М. Павловский

P.S. Будущие номера «С[овременных] з[аписок]» высылайте мне в 3-х экземплярах. М.В. [Вишняк] рассчитается за них. Адрес прежний: 320, Szechuen road, Shangai, via Siberia, мне.

LRA. MS. 1500/9. Автограф.

2. М.Н. Павловский – В.В. Рудневу

Шанхай, 4 июля 1938 г.

---

^а Далее зачеркнуто: прежних.

Дорогой Вадим Викторович,

получил Ваше письмо от 10.VI. Надеюсь, что свою *carte d'identité*^b Вы разыскали. Что касается моего письма и просьбы прислать недостающие н[оме]ра «С[овременных] з[аписок]», то не беспокойтесь – я их в конце концов нашел здесь, в одной библиотеке (т.к. там все равно не было комплекта, и было н[оме]ров 20, то мне нужные книжки продали). Во всяком случае – спасибо за присланное содержание №№ 39–42, совестно мне, что отнял у В[ас] время на переписку.

«Указатель» уже закончен составлением, думаю, что ошибок в нем нет, хотя проверим еще раз. Сдадим в печать приблизительно через месяц. Вам вышлю неск[олько] сот экземпляров (в нем, пожалуй, будет стр[аниц] 60–65 текста, формата «С[овременных] з[аписок]»). Если хотите, можно его пометить Вашим изданием (города мы не указываем) и дать соотв[етственную] обложку. Напишите – мне совершенно безразлично, какое пометить изд[ательств]о.

Что касается «удивления» Вашего, «как просто ВВР», то что же нам возвращаться к нашим старым спорам. Я думаю, правильнее поступает Ил[ья] Ис[идорович] Фондаминский], когда пишет: «я не сомневаюсь, что в конце концов мы с Вами сговоримся и будем вместе работать».

Во всяком случае – позвольте пока отметить один благоприятный результат «конкуренции»: с начала 1937 «С[овременные] з[аписки]» значительно улучшились, и номера получаются все более и более интересными. *Tous mes compliments*^c за № 66 (пару статей я, впрочем, выкинул бы из него без ущерба – догадайтесь, какие).

Живем здесь в центре одного из циклонов, другой, кажется, пока миновал Вас – надолго ли? Недавно ездил в Гонконг, оттуда летел в Ханькау – ставку Чжанкайшека, где пробыл 12 дней (вероятно, ко времени прихода этого письма Ханькау будет накануне падения¹). Для застоявшейся в эмигр[антском] безделии крови – путешествие это было весьма полезным «*exercice*»^d. Двадцать лет тому назад мы сдавали Сызрань, и с Лебедевым, Фортунатовым² и др. садились на пароход... *Mutatis mutandis*^e много похожего я нашел в Ханькау.

Большой привет от меня и Таис[ии] Конст[антиновны] Вере Ивановне и Вам.

Ваш М. Павловский

^b удостоверение личности (фр.).

^c мои комплименты; поздравляю (фр.).

^d упражнением (англ.).

^e С учетом соответствующих изменений (лат.).

LRA. MS. 1500/9. Автограф. На бланке с надписью: «89 Route Pichon, Shanghai».

3. В.В. Руднев – М.Н. Павловскому

Париж, 22 августа 1938 г.

22.VIII.

Дорогой Михаил Наумович!^f

Возвратясь из отпуска в Париж, уже дней десять тому назад, застал здесь Ваше письмо. Со смущением узнал из него, что Вы нужные Вам номера «С[овременных] з[аписок]» *уже купили...* а я, найдя Ваше прежнее письмо, тоже *отправил их* Вам приблизительно месяц тому назад.

Как теперь быть, раз они Вам не нужны? Вина [нрзб] исключительно моя^g, не теряй деловых писем. Так что, если только не найдете какого-нибудь любителя в Шанхае, чтобы их перепродать (за 90 фр[анков]^h комплект), то остается единственное – вернуть их мне, поставивши почтовые расходы в мой счет...

Относительно указателя: подарку не ставят условий. Если пришлете 200 экз[емпляров], буду благодарен.ⁱ Озаглавьте как издание «Совр[еменных] зап[исок]», еще лучше.

К прошлому – не возвращаюсь, тема сложная. Но очень мне понравилось в Вашем письме, что Вы даже удачу нескольких последних № «С[овременных] з[аписок]»^j готовы^k приписать... «*благоприятному результату конкуренции с начала 1937 г.*»... Боже, можно ли до такой степени быть во власти предвзятых идей! Как будто бы ~~мне~~ это дело, лично мне очень дорогое, и поглащающее вот уже много лет все мои мысли и силы,^l нуждалось в таком своеобразном стимуле, как пережитые и переживаемые с 1937 г. неприятности?!

Пожалуйста, попросите Чан Кай Шека побить хорошенько морду японцам. Пишу *via Siberia*^m, – но неуверен, как теперь дело с транзитом в Китай.

LRA. MS. 1500/9. Черновик. Автограф. На бланке с надписью: «“Родина и родная речь”». Группа борьбы с денационализацией русской молодежи. 6, rue Daviel, Paris (XIIIe)3».

4. М.Н. Павловский – В.В. Рудневу

---

^f Далее зачеркнуто: Мы с Верой Ивановной уезжали на две недели в деревню отдыхать. Перед

^g Далее зачеркнуто: и моя ответственность:

^h Далее зачеркнуто: каждая

ⁱ Далее зачеркнуто: Поместите к

^j Далее зачеркнуто: приписываете умудрились

^k Далее зачеркнуто: увидеть

^l Далее зачеркнуто: мною как-то особенно

^m Через Сибирь (англ.)

Шанхай, 12 декабря 1938 г.

12.XII.38

Дорогой Вадим Викторович,

выслал Вам бандеролью через Сибирь 250 экз[емпляров] Указателя. Получилось менее хорошо, чем рассчитывали. Наша обычная типография была занята «Началом конца» (вышедшим одновременно), а новая тип[ограф]ия надула нас на бумаге, дав не то, что было обусловлено. Сообщите, пожалуйста, если найдете ошибки.

Т[аисия] К[онстантиновна] очень рада была получить письмо от Веры Ивановны. Письмо ее застало в больнице, где ей пришлось подвернуться операции, т.к. опасались рака в груди. Опухоль оказалась доброкачественной, и все закончилось вполне благополучно.

Вместе со мною она шлет Вам и Вере Ивановне лучшие пожелания на 1939 год.

Хочется – не не верится, – чтобы он был лучше 38-го.

Крепко жму Вашу руку.

М. Павловский

LRA. MS. 1500/7. Автограф. На бланке с надписью: «89 Route Pichon, Shanghai».

5. М.Н. Павловский – В.В. Рудневу

Шанхай, 27 декабря 1938 г.

27.XII.38

Дорогой Вадим Викторович,

получил Вашу открытку от 29.XI. и 2 кн[иги] «Совр[еменных] зап[исок]».

С удивлением узнал, что за №№ 40, 41 и 44 Вы все еще не получили денег. 25 июля Вы мне писали – «счет предъявлю Вашему заместителю здесь, – М.В. В[ишняку]». Я думал, что это давно отрегулировано. Книги пока остаются у меня, но я их могу Вам выслать, когда на них будет у Вас покупатель. Пока же, конечно, получите 90 fr[анс]ⁿ у М[арка] В[ениаминови]ча. То же насчет дальнейших номеров «С[овременных] зап[исок]»: я полагал, что само собою разумеется – высылка мне 3-х (теперь только двух) экз[емпляров] и оплата их за мой счет М.В. [Вишняком]. Я ему пишу об этом точнее.

Очень мне понравилась Ваша статья о Чехословакии⁴. Гораздо меньше – обе статьи – и Бунина и Алданова – о Куприне⁵. Зато – великолепен – «Дар»⁶. Вот уж действительно самое выдающееся произведение нашей эмигрантской литературы. Если памятником ее останется

ⁿ франков (фр.).

только «Дар», то этого будет достаточно. Для меня лично создается тягостный *cas de conscience*^o. В. Сирин предложил мне издать *всю* книгу, включая 4-ую часть. Не издать такой книги прямо невозможно (когда *до сих пор* продолжает выходить отдельными книгами всякая ерунда). Но что делать с 4-й частью (которую я сам даже еще не читал, но которой меня пугают решительно со всех сторон)?

Жму В[ашу] руку и кланяюсь Вере Ивановне.

Ваш МП.

LRA. MS. 1500/7. Автограф.

6. В.В. Руднев – М.Н. Павловскому

Париж, 8 января 1939 г.

8.I.1939

Дорогой Михаил Наумович!

Три дня тому назад я получил с таможни посланные Вами 18 пакетов с «Указателем», а вчера, через М.В. Вишняка, и письмо Ваше.

«Указатель» производит *отличное* впечатление, не только на меня, м[ожет] б[ыть], пристрастного, но и на всех, кому его приходилось показывать. Мне же, помимо доставляемого огромного удовольствия личного, он доставляет^p сознание большой пользы^q не только для целей историко-литературных и библиографических, но и для^r повышения спроса на старые номера журнала.

Словом, не знаю, как благодарить Вас за такой милый, симпатичный и полезный подарок.

Должен^s признать, – смотрю на книжку с несколько сложным чувством: суждено ли «Указателю»^t надгробным памятником над дорогим покойником, – или^u быть верстовым столбом на дальнейшем^v движении журнала – или стать... надгробным памятником.^w

Удары в 1938 г. «С[овременные] з[аписки]» потерпели жестокие, и самый страшный нанесен гибелью Чехословакии. Но сдаваться не намерен: по крайней мере,^x роковой год

---

^o случай совести (фр.).

^p Далее зачеркнуто: удовлетворение от

^q Далее зачеркнуто: для всех

^r Далее зачеркнуто: распространения старых номеров

^s Далее зачеркнуто: сказать

^t Далее зачеркнуто: стать

^u Далее зачеркнуто: дорожным

^v Далее зачеркнуто: пути

^w Далее зачеркнуто: Во всяком случае

1939,^y так или иначе, надо пережить, а там – что Бог даст. Да и не останется к 1940 вообще от Европы одна дыра?

LRA. MS. 1500/7. Черновик. Автограф.

7. М.Н. Павловский – М.А. Алданову

Шанхай, 5 марта 1941 г.

Shanghai, 5.III.41

Дорогой Марк Александрович,

приветствую Вас и Татьяну Марковну от своего и Т[аисии] К[онстантиновны] имени!

Если Вы еще не договорились с издателем с Америки относительно 2-й ч[асти] «Нач[ала] конца», примите в расчет два обстоятельства, которые могут облегчить дело: 1) отпечатать издание можно в Шанхае за 200–250 ам[ериканских] долл[аров] (включая пересылку); 2) у нас имеется на складе несколько сот 1-й ч[асти] «Нач[ала] конца», которые, как Вы помните, мы хотели предоставить В[ашему] европейскому издателю по льготной цене, а теперь готовы предоставить их целиком в Ваше распоряжение.

Издание книги в Нью-Йорке, я полагаю, обойдется в 800 приблиз[ительно] долларов, не включая сюда гонорара автора. Поэтому нижеследующая комбинация, мне кажется, могла бы заинтересовать и самого тароватого издателя:

За 500 ам[ериканских] долларов мы доставим издателю (или книгопродавцу) – 400 экз[емпляров] «Нач[ала] конца», 2-я часть, и 300 экз[емпляров] 1-й части. Номинальная цена этих 700 экз[емпляров] будет т[аким] обр[азом] 1050 ам[ериканских] д[олларов] (считая по \$ 1.50 за экз[емпляров]). Из получаемых 500 долл[аров] автор берет себе 250 \$, а остальное идет на типогр[афские] расх[оды], бумагу и пересылку из Шанхая. Если издатель (или книжник) – лицо кредитоспособное – расчет можно произвести в два срока: 250 \$ при заключении договора (автору), остальное по прибытии книг, векселем на 2–3 месяца.

Совершенно не представляю себе возможностей америк[анского] читат[ельского] рынка, вернее – до какой степени переселение европейцев в состоянии его разбудить. Поэтому не знаю, до какой степени предлагаемая формула способна заинтересовать издателя. Во всяком случае, думается мне, она должна оказаться много более приемлемой, чем затрата двойной против 500 долл[аров] суммы за 400 экз[емпляров] одной 2-й части (только вряд ли может разойтись в Америке).

---

^x Далее зачеркнуто: страшный

^y Далее зачеркнуто: твердо решил прод[олжать]

Здесь с книжн[ым] рынком дело совсем плохо. Книгу совершенно невозможно продать по цене 6–7 местных долларов, а это по нынешнему курсу составляет около 35 ам[ериканских] центов (да еще скидки книгопродавцам – 30–40 %). Но даже и при этой мизерной цене сейчас трудно будет продать здесь более 100 экз[емпляров].

Буду рад, если предложенная мною формула даст возможность осуществить дело.

Если же Вы уже договорились об издании 2-й части⁷, и во всяком ином случае, сообщите, не окажутся ли Вам полезными в Нью-Йорке те экз[емпляры] 1-й части, которые имеются у нас здесь: мы тогда их вышлем.

Сердечный привет и всего лучшего.

М. Павловский

P.S. Мое письмо в Париж, в котором я благодарил Вас за присланную «Пунш[евую] водку»⁸, очевидно, до Вас уже дошло.

ВА. М. Aldanov papers. Box 9, folder «P–R». Автограф.

8. М.Н. Павловский – М.А. Алданову

Шанхай, 15 мая 1941 г.

15.V.41. Shanghai

Дорогой Марк Александрович,

получил Ваше письмо от 21.IV. О договоре с «Домом книги» я не забыл: экземпляры 1-й части я и предложил потому, что этого в свое время требовал Каплан. Я так же, как и Вы, считаю, что исключительные обстоятельства дают полное основание аннулировать договор, возместив полученный аванс. На этот раз 300 экз[емпляров] 1-й части я предлагаю не по пониженной расценке, как Дому книги, а именно бесплатно для пушного соблазна нового издателя. Буду ждать сообщение о том, что удалось Вам сделать.

Вы правы, конечно, что можно бы не торопиться с изданием этой книги – ей «предстоит долгая жизнь». Но если изданием теперь же автор может выручить известную сумму, то этим пренебрегать теперь не следовало бы.

Ближайшим пароходом (20.V.) вышлем Вам 35 экз[емпляров] «Начала конца», 2 экз[емпляра] «Бельв[едерского] торса» и по 1 экз[емпляру] всех тех Ваших книг, которые удастся найти в Шанхае. Поиски уже начаты, и если не все найдется здесь, то есть еще надежда на Харбин и Тяньдзин.

На днях прочитал о том, что затевается журнал на англ[ийском] языке при Вашем и Сирина участия⁹. Рад узнать также, что журнал, о котором мне писала М.С. Цетлин, начнет выходить¹⁰. Будем ждать первых книжек.

О себе и своих планах не писал В[ам] потому, что все очень неясно и неопределенно. Катастрофа и все, что за ней последовало, отразилась на мне прежде всего физически – развинтился я, хвораю и все еще не могу «собрать» себя. Это не располагает к принятию решений. Уезжать? Куда и зачем? У Вас, Марк[а] Вен[иаминовича Вишняка] и др. не было выбора, у меня он пока есть, и побеждает инерция. Меньше у меня и материальных забот, что оставляет досуг для philosophare^z. А каково это philosophare сейчас, нетрудно догадаться. С самого начала войны искал для себя «места» в происходящем. Те, от кого это зависело, уговорили меня остаться здесь, дали небольшую работу, которая давала некоторую иллюзию «участия» в событиях. С июня и это кончилось, а сейчас что-либо найти еще труднее. Временами кажется, что пошел бы в home-guard'ы¹¹, но для этого надо быть в Англии, что опять невозможно. – Вернее всего, впрочем, что победит женский bon sens^{aa}. Т[аисие] К[онстантинов]не очень хочется, чтобы мы уехали в Америку – и климат лучше и спокойнее, чем в наших краях. Когда это будет – еще не знаю.

Искренний привет Вам обоим от нас обоих

Ваш М. Павловский

ВА. М. Aldanov papers. Box 9, folder «P–R». Автограф.

9. М.Н. Павловский – М.А. Алданову

Шанхай, 10 июня 1941 г.

Shanghai, 10th June 1941

Дорогой Марк Александрович,

в дополнение к посланным уже 3-м книгам («9 Термидора», «Чорт[ов] мост» и «Пав[ел] Строг[анов]»¹²) сегодня отправили Вам еще 8 книг («Ключ», «Бегство», «Пещера» I и II, «Заговор», «Св. Елена», «10-ая Симфония», «Земли, люди»). Эти книги удалось найти в Маньчжурии благодаря счастливой случайности: мы набрали здесь на довольно большой выводок Ваших почитателей и почитательниц (настоящих «алданисток»), связанных с Маньчжурией. Люди эти оказались полны энтузиазма и, когда я им сообщил, что Вам не удалось вывезти из Парижа даже собственных книг, принялись энергично за поиски и в

---

^z философствования (лат.).

^{aa} здравый смысл (фр.).

короткий срок добыли все это, что Вам послано. Я очень порадовался такой находке и решил порадовать и Вас. Люди это все сравнительно молодые (*under forty*^{bb}), работающие, скромные, и раньше мне не приходилось их встречать. У каждого – своя библиотечка, много ном[еров] «Совр[еменных] зап[исок]», все книги «Рус[ских] зап[исок]». К Вам относятся с совершенно исключительной симпатией.

Мы собрали их у себя и показали фильм, снятый, помните, в Париже в 1937 г. Энтузиазм «алданисток» от этого только увеличился, хотя кое-кто признался мне, что представлял Вас несколько моложе.

Все книги доставлены без всякой платы, просили только Вам передать, что это от Ваших почитателей с Д[альнего] Востока. Не знаю, смогу ли Вам передать наше с Т[аисией] К[онстантиновной] впечатление, но мы почувствовали какую-то давно не испытанную бодрость.

С сердечным приветом Вам обоим от нас обоих

МП.

ВА. М. Aldanov papers. Box 9, folder «P–R». Автограф.

10. М.А. Алданов – М.Н. Павловскому

Нью-Йорк, 20 ноября 1941 г.

20 ноября 1941

Дорогой Михаил Наумович,

в ту пору, когда я написал Вам после получения книг от Вас (еще раз сердечно благодарю Вас и Ваших знакомых, столь мило и трогательно откликнувшихся на мою просьбу о присылке мне моих книг), я еще не знал, что Вы имели в виду для меня литературный заказ: книгу об эмиграции. Недавно Марк Вениаминович [Вишняк] мне об этом сказал, добавив, что дело это расстроилось. Позвольте еще раз от души Вас поблагодарить и за это. Я с удовольствием взялся бы за эту работу и жалею, что она не осуществилась, но, разумеется, моя признательность Вам не уменьшается от ее неосуществления.

Наш журнал осуществляется. Думаю, что две книги мы выпустим во всяком случае. Оптимисты же утверждают, что мы будем существовать «вечно». Если вечно, то тем более надо подумать о распространении книг. На Дальнем Востоке много не продашь, да и цена для него неприемлема, и деньги перевести нам будет трудно. Но все же мы хотели бы хоть

---

^{bb} Моложе сорока (англ.).

некоторое число экземпляров послать в Ваши края, если это окажется возможным. Не посоветуете ли, кому их отправить? Предполагаю, что есть надежные магазины? Какую назначит[ь] цену? Ведь положение еще изменилось со времени Вашего давнего письма ко мне. Фактически редактируем журнал мы с М.О. Цетлиным.

Мы все надеемся, что Вы и Таиса <sic!> Константиновна сюда приедете. Но когда это будет, неизвестно. Если скоро, то Вы сами нам и дадите здесь указания. Если же дело затягивается, то не напишете ли?

В прошлом письме я Вас спрашивал, как мне отблагодарить людей, подаривших мне мои книги. Вы на это не ответили (т.е. я пока не имел от Вас письма). Поэтому я того письма им не написал, – надеюсь, они на меня не сердятся? Они мне оказали большую услугу.

Я кое-как живу, печатаюсь в американских журналах и газетах, но не часто. На днях продал Скрибнеру американское издание «Начала конца»¹³. Русское издание второго тома все не наладилось, да, вероятно, и Ваше любезное предложение теперь отпало, если Вы переезжаете и если из Шанхая посылать сотни книг в Нью-Йорк стало невозможным?

Позвольте приложить объявление (вернее, циркулярное письмо) о нашем журнале. Оно – для Вашего сведения, но, если его можно опубликовать (с сокращениями?) в шанхайских газетах (?), то мы были бы Вам за это весьма признательны. Если хотите, понизьте «своей властью», как признаете необходимым, цену журнала на Дальнем Востоке.

Марк Вениаминович [Вишняк] и сам не знает, удастся ли Вам скоро приехать сюда. Мы очень, очень хотели бы, чтобы это Вам удалось. В надежде скоро Вас увидеть здесь, шлем с Т[атьяной] М[арковной] Ландау самый сердечный привет, самые лучшие пожелания Таисе Константиновне и Вам.

ВА. М. Aldanov papers. Box 11. Машинопись. Отпуск.

11. М.Н. Павловский – М.А. Алданову

Шанхай, 21 января 1946 г.

89, route Pichon

Shanghai, 21th Jan[uary] 1946

Дорогой Марк Александрович,

позвольте Вас поблагодарить самым сердечным образом – в Вашем лице редакцию «Нов[ого] журнала» – за Ваш подарок – нумерованную 1-ую книжку журнала. Очень, очень был тронут.

Рад был получить и остальные 9 книжек (11-го ном[ера] еще не получил) и жду большего количества экземпляров для распространения здесь. На будущее время высылайте нам 10 экз[емпляров] каждого номера, надеюсь повысить эту цифру, к[а]к только публика ознакомится с журналом. Для расчетов посылаю при сем чек на 150 долл[аров] на имя Mrs. Zetlin (к[а]к указано в объявлении); в дальнейшем, когда наладится распространение, я укажу адрес кн[ижного] маг[ази]на, куда Вы сможете непосредственно посылать книжки и с кем будете вести дальнейшие расчеты.

Теперь о самом журнале, его физиономии, характере и содержании. Без всякого желаяния быть комплиментарным, скажу, что первое мое читательское впечатление самое благоприятное. Знакомство сразу с 10-ю книжками, покрывающими период в 4 года (и какие годы!) – наиболее суровый экзамен для нов[ого] издания. Мое впечатление, что оно выдерживает этот экзамен полностью. В свое время (в 1939) мы вели переписку с Марк[ом] Вен[иаминовичем Вишняком] и Павл[ом] Ник[олаевичем Милуковым] о содержании и характере «Русск[их] зап[исок]», по поводу которых я высказывал свои «еретические мысли». П.Н. [Милуков] остроумно отвечал на мою критику «благожелат[ельного] читателя» и со многим соглашался. Основное было то, что в эпоху, когда явно надвигался Sturm und Drang^{cc}, журнал продолжал заниматься «камерной музыкой» (балет, обще-филос[офские] проблемы и пр.). Из всех толстых журналов, издававшихся в эмиграции, «Н[овый] ж[урнал]» является самым актуальным. Конечно, здесь не только заслуга руководителей, но и влияние эпохи, и, если хотите, даже влияние эпохи на руководителей. Та встряска, которой многие из вас подверглись в Европе, переезд в Америку, новая обстановка и пр. до известной степени «освежила» вас, самых застоявшихся в бездействии (к[а]к покойный Авксентьев), вызвала к новой активности и динамизму. Но нужно отдать должное и «руководству».

Sesé dit^{dd}, объективные факторы остаются прежними. Смерть косит старых, а смены нет. В беллетристике вы добросовестно старались дать место «новым» – увы, общее впечатление от них очень серое. Из «старых», но не писавших или редко писавших в «С[овременных] з[аписках]» и «Р[усских] з[аписках]» (публицист[ов]) большим и ценным приобретением является Николаевский. Я с огромным интересом читал его статьи о внеш[ней] полит[ике] Советов, с тем большим интересом, что в отношении Китая (а частично и Японии) я считаю его положения ошибочными, во всяком случае очень спорными и односторонними (конкретная политика не определяется «установками» одной

---

^{cc} буря и натиск (нем.).

^{dd} сказав это; кроме этого (фр.).

стороны, в данн[ом] случае Москвы, но и другими составляющими в Европе и Азии, которые Ник[олаевски]й значительно меньше обследует)...

О Вашей новой вещи¹⁴ ничего не говорю, я знаю – Вы не любите, когда Вам говорят о Ваших вещах. Скажу только, что мне она *понравилась*. А о необычной форме (роман, портреты, ревью?), композиции и подходе хотелось бы поговорить, но, м[ожет] б[ыть], когда-либо лично. Кстати, имейте в виду, что у меня сохранилось в целости Ваше «Давнее». Здесь перспектив на его издание в ближайшее время никаких. Не хотите ли, чтобы я его выслал Вам в Америку?

Большой привет от Т[аисии] К[онстантиновны] и меня Татьяне Марковне и Вам.

Ваш МП.

ВА. М. Aldanov papers. Box 9, folder «P–R». Автограф.

---

¹ Речь идет о Японо-китайской войне (июль 1937 – сентябрь 1945). После занятия японцами столичного города Нанкина в декабре 1937 г. гоминьдановское правительство Чан Кайши эвакуировалось сначала в Ханькау (сегодня в составе г. Ухань, Wuhan), а затем летом 1938 г. – в город Чунцин (Chongqing) в центральной части Китая.

² Организаторы и члены штаба Народной армии КОМУЧа. Лебедев Владимир Иванович (1883–1956), общественно-политический деятель, эсер, журналист, публицист, редактор; в эмиграции с 1919 г., жил в Париже, с 1920 г. в Праге, член редколлегии журнала «Воля России»; с 1928 г. в Белграде и Париже, руководитель журнала «Руски архив»; с 1936 г. в США. Фортунатов Борис Константинович (1886 – не ранее 1936), зоолог, эсер, автор научно-фантастической прозы (под псевдонимом Б. Туров); в 1920 г. перешел на сторону Советской власти; в 1933 г. арестован, репрессирован.

³ Адрес редакции «Современных записок».

⁴ Руднев В.В. Судьба Чехословакии // СЗ. 1938. № 67. С. 434–448.

⁵ Бунин И.А. Перечитывая Куприна // Там же. С. 309–316; Алданов М.А. Памяти А.И. Куприна // Там же. С. 317–324.

⁶ В № 67 «Современных записок» вышла заключительная пятая глава романа В.В. Набокова «Дар» (С. 69–145).

⁷ Вторая часть романа М.А. Алданова «Начало конца» опубликована не была.

⁸ Речь идет об издании: Алданов М.А. Пуншевая водка и Могила воина: Философские сказки. Париж, 1940. Упомянутое М.Н. Павловским письмо не сохранилось.

⁹ Издание не состоялось.

¹⁰ Имеется в виду «Новый журнал», основанный М.А. Алдановым и М.О. Цетлиным в 1942 г. в Нью-Йорке.

¹¹ Home Guard – добровольческое оборонческое формирование вооруженных сил Великобритании во время Второй мировой войны; в ее состав входили люди, непригодные для активной военной службы (слишком молодые, слишком пожилые и т.п.).

¹² Имеется в виду книга М.А. Алданова «Юность Павла Строганова и другие характеристики» (Белград, [1935]).

¹³ Aldanov M. The Fifth Seal / Transl. by N. Wreden. N.Y., 1943.

¹⁴ Имеется в виду роман М.А. Алданова «Истоки» (НЖ. 1943. № 4, 6; 1944. № 7–10; 1945. № 11; 1946. № 12–13).